

АНАТОЛИЙ
МАТВИЕНКО

ДЕ БЮССИ
И ИНФАНТА

Анатолий Евгеньевич Матвиенко
Де Бюсси и инфанта
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»
Серия «Граф де Бюсси», книга 2

текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Луи де Клермон, сеньор де Бюсси д'Амбуаз, блестяще выписанный Александром Дюма в романе «Графиня де Монсоро», в действительности жил совершенно непростой жизнью, полной опасностей, приключений и любовных походов, мало отличаясь от других дворян из свиты короля Генриха III. Но внутренний мир этого легкомысленного француза изменился совершенно, когда на его личность наложилось сознание человека другой эпохи – из двадцать первого века.

Всё изменилось, обрело глубину и смысл. Знание, что в грядущей истории Франции будут чрезвычайно позорные моменты, от вторжения в Россию в 1812 году до варварских бомбардировок французской авиацией Югославии, заставило действовать совсем по-иному, что-то пытаться изменить.

Но под силу ли это одному человеку? Лишённому поддержки, участия? И любви.

Если к любви относиться не как к приключению или развлечению, она принесёт настоящее счастье. Или

беспросветное горе, если её утратить, а в бурном, насыщенном войнами и интригами шестнадцатом веке всё так шатко, хрупко, быстротечно...

Продолжение романа Анатолия Матвиенко «Де Бюсси».

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть первая. Роковые женщины	7
Глава 1. Увидеть Лувр и умереть	7
Глава 2. Наставник короля Франции	18
Глава 3. Опасная работа	29
Глава 4. Засада	41
Глава 5. Рана в сердце	57
Глава 6. Надгробие с чужим именем	70
Глава 7. Инфанта	79
Глава 8. Предатель	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анатолий Матвиенко

Де Бюсси и инфанта

Вместо предисловия

Этот странный мир, до боли похожий на прошлое покинутой мною реальности... Здесь рассеялись как дым иллюзии о галантной эпохе Франции XVI века. За роскошными фасадами дворцов сокрыты пороки их обитателей, слово «честь» звучит пустым звуком, а то и неуместной шуткой, дворянство погрязло в стяжательстве, блуде, интригах, не брезгуя никакими средствами для достижения целей и не чураясь ничего для получения удовольствий, короли задают тон своим подданным.

Эпоха Возрождения... Возрождения чего? Гуманизма, культуры? Что они значат, если даже у человеческой жизни цена невелика – один удар шпаги, капля яда в бокале или «несчастный случай» на охоте!

Но именно здесь я внезапно обрёл настоящую любовь, разделил её с женщиной, столь же чуждой этому времени. Мне довелось родиться на четыре столетия позже Варфоломеевской ночи. Моей любимой нужно было появиться на свет лет на четыреста раньше.

Всего лишь на несколько часов нас соединила страсть –

безумная, запретная, греховная! Завоевав любовь, я тут же её потерял, уступив слишком сильному конкуренту – Спасителю. Может, не навсегда? Вдруг появятся какие-то, пусть самые иллюзорные шансы...

В их ожидании мне пришлось заново учиться жить, чувствуя себя безмерно одиноким. Сражаться, нанизывая на шпагу очередных врагов. Лелеять мечту что-то изменить в окружающем меня мире. Предаваться развлечениям и даже иногда смеяться, потому что иначе можно запросто сойти с ума. А порой просто катиться по течению и выживать. Тем более судьба снова занесла в Париж, где сыграть в ящик легче, чем в яме с гремучими змеями.

Часть первая. Роковые женщины

Глава 1. Увидеть Лувр и умереть

Глушцов жизнь ничему не учит. Почему именно мне приходится восполнять её педагогические упущения?

При виде моей физиономии прохвост Ксавье Бриньон закатил глаза и приготовился грохнуться без памяти. Точнее – повиснуть в моих объятиях, я сдавил ему шею и приставил к глазу кинжал.

Круглая рожа налилась до свекольно-пунцового цвета. Если не поставить паразиту пиявок, снижающих давление, боюсь, моя копилка грехов пополнится очередной отправленной к Богу душой. В компанию к ещё нескольким десяткам душ, чьи хозяева встретились мне на слишком узкой дорожке.

Но, быть может, именно следующая жертва переполнит терпение Бога или кого-то другого, избравшего местом моего пребывания Францию конца шестнадцатого века, поэтому я счёл за лучшее спрятать оружие и миролюбиво спросил об оставленных вещах. Грядёт немаловажная встреча, а потёртая шляпа с пером, серо-чёрный камзол и шоссы, заправленные в грязные сапоги из оленьей кожи, вряд ли представляют собой лучшее облачение для randevu с дамой. И чем

рыскать по улицам да лавочкам Парижа, где любой мальчишка наслышан, что граф де Бюсси объявлен врагом короля, я понадеялся использовать что-то из старых запасов, когда в Лувре уживались дворы Генриха Третьего и его блистательной супруги, а также свита Генриха Наваррского и королевы Марго. Скромность гугенотских нарядов и собственная оригинальность в аскетизме платья не избавили меня от необходимости держать пару комплектов для торжественных приёмов и балов, включая отвратительные своей женственностью коротенькие штанишки с подбоем, придававшие ягодицам и бёдрам вульгарную шарообразность.

– Кому ты сдал мою комнату на этот раз? – бакалейщик, уходя от ответа, что-то сдавленно булькнул в оправдание, и я насел на него вторично, наплевав на паническое состояние проходимца, но больше не угрожал кинжалом. – В прошлый раз меня тоже год не было! Ты ещё не понял, что я – бессмертен? Что я в аду тебя достану и спрошу: где, чёрт подери, моя комната?! И моя одежда?

По правде говоря, съёмная квартирка над бакалейной лавкой на улице Антуаз не представляет какой-либо ценности. Но я привык к ней. Именно тут, неведомым образом вселившись в тело дворянина по имени Луи де Клермон де Бюсси д'Амбуаз, я вдруг ощутил себя в Париже эпохи Возрождения в разгар самой весёлой ночи той эпохи – Варфоломеевской. Не скажу, что воспоминания приятные, но уж какие есть...

Рядом шумно засопел Симон, мой слуга. Он привык к хо-

зыйским интонациям в голосе, после которых собеседника, случается, уносят вперёд ногами. Благочестивый католик, парень перекрестился загодя.

– Никому не сдал, ваша светлость... – почувствовав некоторую слабость в хватке, бакалейщик торопливо залебезил: – Дорогой граф! Ваше сиятельство! Я так искренне, так душевно рад вас видеть! В ваших покоях всего лишь свалены тюки с мукой и крупами, незамедлительно распоряжусь их убрать!

Надеясь, что свидание с Создателем откладывается, Бриньон вывернулся из моих рук и действительно принялся хлопотать, чтобы пыльные мешки покинули второй этаж. Истинную радость от нашего вторжения ему, скорее всего, причинила возможность напомнить мне, сколько я задолжал с прошлой весны. За полтора года, видать, набежала изрядная сумма. Рожа пройдохи вытянулась, когда он услышал, сколько с него причитается за хранение товаров в спальне благородного графа. Сменив гнев на милость, я швырнул ему пару серебряных ливров, пообещав рассчитаться позже.

Но что за отвратительная привычка хоронить меня прежде времени!

Приведение комнат в порядок, нагрев воды и приготовление ужина отняли более часа. За это время стемнело. В ноябре в Париже всегда темнеет рано...

– Бакалейщик сохранил ваши письма, – сообщил Симон, помогая выбраться после мытья в большой деревянной ло-

хани.

– От кого?

Как и его брат, принявший смерть на службе моей персоне, слуга был малость обучен грамоте.

– Из Анжу. От родных. Прошлогоднее, ваша светлость.

Я в курсе более свежих новостей. Что там ещё?

– Неразборчиво. Простите, господин, прочитывать не могу. Все буквы знаю...

Все буквы угадал, не смог угадать слово, вспомнил я анекдот, обречённый стать бородатым через четыре с лишним сотни лет.

– Давай!

Естественно, винить слугу нельзя, в Речи Посполитой Симон со мной не был, по-польски не понимает. Что там? Сюрприз! Неведомый конспиратор черкнул записку не на польском, а на русском языке Великого княжества Литовского, мол – есть в Париже купеческий дом, налаживающий торговлю с Московией-Тартарией наподобие английской Московской компании. Значит, обитает там не атташе по культуре, а постпред по торговле. Я невольно заулыбался: дотянулись-таки руки русской разведки до Франции! А если не руки, то хотя бы глаз на длинном стебельке. Или ухо. Непременно наведуясь! Но потом.

– Что ещё?

– Монахи какие-то.

Эту муть я даже читать не стал. Что там может быть но-

вого? Слышу от них одно и то же: граф де Бюсси, вы – известный приспешник гугенотов и без пяти минут отлучённый от святой католической церкви, покайтесь, вернитесь в лоно истинной веры, облобызайте десницу короля, и будет вам благословение Божье...

Ну а если не вернусь в объятия католиков, ровно такое благословение получу от кальвинистов, столь же ревностно верующих в Христа. Простите, святоши, сегодня я пас. Лучше ещё разок согрешу, чтоб все грехи смывать оптом и как можно позже.

Чёрная бархатная куртка с белоснежным кружевным воротником, короткие чёрные штаны, слегка раздутые, – король Франции счёл бы такие моветоном, плотные коричневые чулки с ватным подбоем (ноябрь на дворе, не май месяц!) и шляпа с пером превратили меня в придворного шаркуна. Я прошёлся по комнате, привыкая к неудобству башмаков с серебряными пряжками. Даже шпага, не раз отведавшая человеческой крови, казалась декоративным украшением, предназначенным разве что приподнимать ножами серебристо-чёрный плащ на меху.

– Восхитительно, мой господин! – подобострастно вякнул Симон и протянул тонкий платок, спрыснутый духами по его вкусу – то есть до состояния нестерпимой вони. Впрочем, в Лувре все так благовоняют.

Когда началась очередная... шестая или седьмая... гугенотская война, коим я сбился со счёта, собственное отраже-

ние почти не разглядывал в зеркале, даже когда останавливались с Наваррой в местах цивилизных. Война не располагает к самолюбованию. Поэтому ущерб, нанесённый временем за последний год, бросился в глаза сразу же и не обрадовал.

Седина, щедро припудрившая волосы в долгие месяцы заточения в Вавельском замке, поразила добрую половину шевелюры, подкрасила белым усы и бородку. Их нужно подстричь! Распустился...

А тонкий шрам под левым глазом, полученный год назад на дуэли, уже ничем не убрать. Симон уверяет, что он наливется красным, когда я гневаюсь.

Хуже всего – глаза. Наверно, выражение затравленной тоски, засевшее в самых их уголках, не вытравить никогда и ничем. Только один человек в этом странном мире способен вернуть мне радость и душевное равновесие. Но она даже не снизошла до объяснений. Монахиня вынесла тогда короткую записку по-польски: «Я принесла всем слишком много горя. У Бога переполнилась чаша терпения. Только здесь я вымолю прощение. Пшепрашам, Луи, забудьте меня. Найдите своё счастье. Сестра Иоанна».

Как?! Где его искать, если она – всё моё счастье!

Как её не помнить...

Конечно, стоило бы отвлечься. Что только ни перебрал... Разве что отверг совет Шико – лечь в постель с женщиной. Я гневно отказался, шут соорудил гримасу невинности и заявил: королю же нравится!

Это было накануне отъезда из Парижа. А через несколько месяцев из луврской клетки сбежал и Наварра, чтоб лично вдохновить гугенотов на борьбу. Но ему не простили переход в католичество.

В провинции я пытался восстановить душевное равновесие и вышибить клин клином. Но с Эльжбетой, прекрасной литвинкой, не смог сравниться никто. Ту сговорчивую прелестницу из Бордо, думаю, постигло разочарование, когда нестарый ещё граф механически отработал повинность на ложе любви и немедленно натянул штаны.

Дело прошлое. Сейчас меня ждёт кое-что оригинальнее неутолённых сердечных терзаний...

Удовлетворившись своим скорбным, но вполне благопристойным видом, я наказал Симону сидеть дома и сбежал вниз к коновязи. Полночный Париж – не лучшее место для одиночных прогулок, однако предстоящая миссия не оставила мне выбора.

Утомлённая дневным переходом Матильда укоризненно заржала, когда Симон набросил на неё седло. Прости, графу негоже являться в королевский дворец пешком. В темноте лошадь споткнулась и едва не сбросила седока, когда мы пробирались через стройку к западу от Лувра. По капризу Екатерины Медичи здесь, в самый разгар гугенотских войн и крайнего истощения казны, строился новый дворец – Тюильри.

Вот и потайная дверь в стене, обращённой к реке, три сту-

ка как три удара сердца, пауза и ещё два удара...

– Входите, месье. Я доложу о вашем прибытии.

Гвардеец пропустил меня в крохотную каморку и оставил в ожидании, скрывшись в бесконечных галереях дворца. Другой шагнул наружу и взял Матильду под уздцы, этот молодой шевалье мне был смутно знаком. Наверняка он тоже знает меня, личность скандальную и приметную, посему о моём присутствии в королевской резиденции узнают слишком многие.

Спустя четверть часа послышались шаги нескольких человек. Я откинул полу плаща, чтоб легче выхватить клинок, передвинул кинжал на поясе и нащупал метательную звёздочку. Слава Создателю, ничто из смертоносного арсенала не понадобилось.

– Ты совсем одичал, де Бюсси! – шёпотом воскликнул Шико, заключая меня в объятия. – Тебе нужен хороший цирюльник и портной. Жаль, не в Париже. Генрих не реже раза в месяц справляется о твоём самочувствии – не представился ли наконец. Идём же! Она ждёт.

– Не торопись, *mon cher ami*. Расскажи кратко, что здесь творится. Сам понимаешь, я не в том положении, чтобы наносить светские визиты и расспрашивать по всему дворцу о положении дел. Живо отправлюсь на виселицу как гугенотский шпион.

Шико загадочно покачал головой и чуть ли не силой потащил меня к покоям королевы. Ясно, получил приказ дер-

жать в неведении. Всё нужное сообщит королева Луиза. Он явно забыл о моём упрямстве.

– Придержи лошадей. Мне срочно нужен Чеховский.

Мой провожатый словно споткнулся о невидимую стену.

– Этот двуличный польский слизняк? Ты же помнишь...

– Ещё как помню. Заточение в Вавельском замке произошло в числе прочего из-за его доноса. Едва не пришиб мерзавца, если бы не ты. Но без его осмотра я не осмелюсь предстать перед её величеством.

Бывший шут, а теперь высокородный дворянин из свиты королевы, он отскочил на два шага как ошпаренный. Конечно, в окопах войны я вполне мог подцепить любую заразу. Пусть так и думает. Шико знает, что я догадался – он гораздо раньше меня был осведомлён о наушничестве Чеховского, но не предупредил, поэтому о прежнем доверии не может быть и речи, но лучше делать вид, словно отношусь к бывшему другу точно так же, как под Лодзью, когда мы втроём сражались против целого отряда. Обратился к нему по имени, как к ближнему своему.

– Жан, я не шучу. Приведи поляка.

Высокий, изрезанный и словно сдавленный в висках лоб Шико пересекла новая морщина. Ему нет и сорока. Жизнь истрепала его тело лет на шестьдесят.

– Он на половине короля! Дьявольщина... Скорей всего – дрыхнет рядом с жёнушкой.

Прозябание в Лувре отупляет? Придётся подсказать.

– Так вызови ради королевы. Занемогла, мол. Или я буду вынужден вернуться в Беарн.

Шико закатил глаза и в самых крепких выражениях объяснил, что повлечёт за собой срочный ночной вызов врача к августейшей особе. Их здоровье – главная тайна государственной политики!

– Ночное приглашение к королеве одного из врагов его величества также пахнет государственной тайной. Или её нарушением, или предательством короля. Так что не чистоплюйствуй. Шевелись!

– Точно – одичал... Не знаешь, что, едва увидев Париж, можешь умереть. Здесь стало стократ опаснее после бегства Наварры! Поляк немедленно донесёт о твоём появлении миньонам. Впрочем, каждый выбирает свою смерть. Если об этом не позаботятся другие.

Он втокнул меня в одну из спален близ покоев королевы. Мрак растопила единственная свеча, тусклая, как лампадка в часовне.

Полутьма не скрыла запустения. Какими-то унылыми мне показались и длинные коридоры, много раз хоженные до отъезда в Краков и после возвращения в Париж – ранее они не выглядели обшарпанными. То ли весь дворцовый бюджет был истрачен на Тюильри, то ли очередная война с гугенотами и неповиновение юга привели к окончательному опустошению казны. Одно это, сообщённое Генриху Наваррскому и принцу Конде, будет чрезвычайно ценным подарком, в та-

ком состоянии финансов король Франции не сможет продолжить войну и подпишет мир ради передышки. Но моя миссия только началась...

— Ваше королевское величество? — знакомый и чуть гнусавый голос с польским акцентом прервал мои размышления. Чеховский в наброшенном на ночную рубашку халате подслеповато проморгался и не сразу сфокусировал узко посаженные глазки на моей фигуре. Не заорал от испуга, не бросился наутёк при виде отнюдь не королевы Луизы, а грохнулся на колени, звучно стукнув лбом о каменные плиты пола. — Пан де Бюсси, простите меня! И помогите бежать из Лувра! Если останусь, я погиб...

Стало быть, слова Шико, напомнившие мне фразу Ильи Эренбурга «Увидеть Париж и умереть», были не пустым звуком. Здесь убивают с прежним энтузиазмом. Наверно, поэтому атмосфера Лувра подействовала и на меня — давнишнее желание удавить сукиного сына, едва представится возможность, вдруг взыграло с новой силой. Сдержаться я не сумел...

Глава 2. Наставник короля Франции

Вздёрнутый на ноги, мой бывший протеже захрипел, сдавленный слишком сильно. Я погорячился и чуть в самом деле его не задушил.

– О побеге поговорим позже. Мне нужны сведения. Расскажешь – не умрёшь прямо сейчас.

– Всё, что пожелаете, сеньор...

Что там плёл Шико про государственную тайну? Медикус торопливо и с готовностью выложил мне самое важное: король бездетен. В течение года они с Луизой тщательно использовали время, когда «звёзды сулили» наибольшую вероятность зачатия. Ничего не произошло. К весне Генрих отчаялся, забросил «сауну а-ля рюсс», пустился во все тяжкие.

– Луиза могла призвать на помощь своих фаворитов.

– Не-ет, – Чеховский даже фыркнул от моего предположения. – Её величество блюдёт себя. Опасается «французской болезни», она здесь почти у каждого дворянина. Так вы мне поможете, ваша светлость? Или я пропал!

С истинно королевской благодарностью Генрих обвинил польского недотёпу в ухудшении самочувствия и утрате мужской силы. В Париже зрело «дело врачей».

– Ты под арестом? Или под надзором? Из дворца выбежешься?

– Наверное... Куда же мне деваться потом?

– Встречай меня в полдень, дорога на Орлеан, в часе езды от Парижа есть таверна «Три кабана». Но учти, приведёшь с собой королевских гвардейцев, выкручусь как-нибудь, а потом достану из-под земли.

Хотя проще сдать меня прямо сейчас. Но отчего-то заломленные руки и дрожащий подбородок Чеховского убедили, что подлюка говорит правду. В виде исключения.

– Не сомневайтесь во мне, ваша светлость!

– Сгинь.

Не знаю, подслушал ли Шико исповедь горе-эскулапа. Его морщинистая рожа не выдала никаких чувств. Перехватив Чеховского в коридоре, он спровадил поляка подальше, чтоб тот не узнал о моём визите к королеве. Умение хранить тайны лейб-медик только что продемонстрировал во всей красе.

В покои Луизы не пустили даже Шико. Его с непреклонностью остановил гвардеец в синем мундире, меня проводила миловидная служанка.

Будуар королевы выглядел опрятнее других помещений Лувра, но меня в большей степени удивила скромность наряда августейшей особы. Она была одета в простое серое платье без обручей под юбкой, словно приготовилась играть роль простушки-пастушки в самодеятельном дворцовом театре. Столь же просто выглядела причёска, ничуть не напоминая привычные моему взгляду архитектурно-башенные сооружения, которые она таскала на голове, шествуя под руку с Генрихом. Вообще, королева без дюжины бриллиантов

в волосах, на шее, на пальцах и на широком лифе казалась голой!

– Мой добрый Луи! Как хорошо, что вы откликнулись на мой зов... даже не зная наверняка, кто стоит за этим письмом.

Она протянула руку для поцелуя и тотчас получила его. Встав с колена, я счёл необходимым разъяснить:

– Совсем не многие женщины в Париже смеют предполагать, что я брошу Наварру в разгар войны и примчусь в Париж, в логово наших врагов. Быть может – королева Марго, но я хорошо знаю её почерк, а этот мне знаком менее. Я ехал к вам, ваше величество!

– Поверьте, мне очень приятно это слышать, дорогой граф. Я окружена множеством мужчин и, буду откровенна, беззастенчиво их использую, многих при этом презирая. Вы – совсем другой. Мужественный, печальный. Не склонный к оргиям в духе моего венценосного муженька. Конечно, я была разочарована, когда вы не поспешили присоединиться к моей свите. Разочарована вдвойне, узнав, что у вас есть дама сердца, и она – не я.

Откуда ей известно об Эльжбете?! Хотя историю моей несчастной любви знал не только Шико, но и дюжина других людей, включая миньонов и гиззаров, замешанных в дуэли с убийством Радзивилла. Но королева не просто услышала и запомнила сплетню. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: она целенаправленно интересовалась моими де-

лами.

– В таком случае вынужден признаться, моя королева, дама сердца для меня столь же недоступна, как если бы она умерла.

– Постриг в монахини ещё не смерть... Но не будем об этом. Присаживайтесь же, граф, мне нужно вам многое сказать, а времени лишь чуть – я не могу компрометировать себя, долго оставаясь наедине с очаровательным мужчиной.

Она прямым текстом намекнула на возможный роман со мной! И где же твои уверения, Чеховский, что Луиза строго себя блюдёт и не изменяет королю?

– Я внемлю, моя королева.

Она присела на низенький диван с подушками и высокой мягкой спинкой, указав мне место подле себя.

– На поле боя воюют мужчины, но вне его женщины опаснее. Мне угрожает Марго.

– Сестричка короля – действительно опасный враг. Но отчего ей...

– Всё очень просто, граф. Марго мечтает стать королевой всей Франции, а не одной Наварры. Мой муж бездетный. Значит, стоит убрать Франциска, и её Генрих унаследует престол.

– Она не в ладах с супругом.

– Но может встретиться с ним. А потом объявит о своей беременности. Кто её покрыл – муж или любовник, – не узнает никто.

До меня начал доходить смысл интриги. Если ликвидировать двоих – Генриха III и его брата Франциска, Наварра наденет корону Франции, после чего скоропостижно скончается. Вдовствующая королева Марго получит регентство, то есть полную монаршую власть до совершеннолетия сына. Конечно, возможен риск рождения дочери, и вообще разговор может раскрыться слишком рано, тогда наличие наследника престола смешает карты. Насколько я знаю эту хитрую блондинку, она способна на самый коварный план! Особенно если Екатерина Медичи окончательно разочаруется в сыновьях и позволит дочери прикончить братьев, уповая на внука.

– Я готов на всё ради вас, моя королева. Но бороться с женщиной...

– Не только с женщиной, Луи. У Марго целая партия. Если их не остановить, они перешагнут через горы трупов!

– Что же вы предлагаете, ваше величество? Убить Марго Валуа?

Проще привезти алмазные подвески от лорда Бэкингема, шепнул саркастический внутренний голос.

– Что вы... Я никогда не возьму подобный грех на душу!

Шико другого мнения, он практически уверен, что Луиза стоит за отравлением Марии Клевской, несчастной возлюбленной короля Генриха.

– Что же тогда? Не томите, я скакал в Париж добрую неделю. К вам!

– Ах, оставьте на минуту дела и интриги, мой милый Луи. Лучше прочитайте какое-нибудь из своих загадочных стихотворений.

Я воздержался от напоминания, что минуту назад её величество пыталось сократить время randevу, не желая рисковать честью. Просто выбрал что-то покороче. Скоро мой поэтический запас исчерпается, буду повторяться. А пока – слушайте, ваше величество.

Tout me revient,
Tout me ramène,
Tout me retient,
Tout me rappelled,
A ton corps et à tes mains.

Незамысловатая песня «Мой ангел», услышанная мной в другой жизни в исполнении Грегори Лемаршала, понятна даже жителю XVI века, несмотря на происходившие изменения языка: «Всё возвращается ко мне, всё влечет меня назад, всё удерживает меня, всё напоминает мне о твоём теле...» Я даже сбился на певческий ритм.

Королева пришла в непритворное возбуждение. Сквозь пудру пробился алый румянец. Дыхание стало прерывистым, пальцы нервно тискали друг дружку. Интересно, на неё действуют любые стихотворные строки или только откровенно эротические?

Добраться до конца песенки она мне не дала.

– Я не ошиблась в вас, де Бюсси. Я хочу от вас ребёнка.

Если бы она захотела взлететь к потолку, моё удивление вряд ли было бы большим.

– Я не смею, моя госпожа...

– Не смели и мечтать? – женщина истолковала мои колебания в самом выгодном для себя свете и гордо вскинула подбородок. Возбуждение ничуть не шло на спад, её вздохи, наверно, заставили колебаться штору. – Иногда в жизни случаются разные случайности, дорогой. Вы чрезвычайно привлекательны. Не таскаетесь за каждой юбкой, норовя подцепить дурную болезнь. Я действительно вас хочу... – в подтверждение слов её горячая ручка впиалась в моё запястье. – Но и не могу забыть, что я – королева Франции. Обращу против Марго её же оружие, втайне выношу сына. Когда мой муж и Франциск умрут, объявится законный наследник престола! Наш с вами сын, граф.

Поэтому она и настаивала в письме, что нужно встретиться именно сегодня. Потому что «звёзды сулят»! Вычислила удачное для зачатия время.

А я оказался перед дилеммой – оскорбить в лучших чувствах королеву, нажив на ровном месте злейшего и могущественного врага, или оставить на произвол судьбы своё ещё не рождённое дитя. После того, как не смог уберечь дочь от французских бомб в Югославии, не хочу... Да и появление нового Валуа накануне воцарения Бурбонов настолько повлияет на историю, что последствия невозможно предста-

вить.

Технический вопрос раздевания, с учётом сложности нарядов, Луиза решила с подкупающей лёгкостью, томно растянувшись на диванчике, где безо всякой прелюдии задрала вверх серый подол и нижнюю юбку, белоснежные колени призывно раздвинулись, и при неярком свете свечей я увидел нечто, предназначенное только для августейшего мужского ока.

Впрочем, ей самой прелюдия не понадобилась. Она заколотилась всем телом, едва мой дружок зашёл в гости, зажала зубами диванную подушку, подозреваю – чтоб не закричать.

Гарантирую, королева не симулировала оргазм. А мне пришлось. Издав сдавленный рык, я задёргался, охнул и выскочил из уютной женской плоти, а в следующий миг миллионы маленьких де Бюсси хлынули в платок, с вечера обильно надушенный Симоном.

Не подозревающая о вероломстве Луиза одёрнула юбки и наградила меня страстным поцелуем. В её глубоких серых глазах сквозило торжество. «Королева лучше монахини, не так ли?» – читалось в них крупными буквами. Потом ресницы дрогнули, и я угадал следующую фразу: «Ну что же ты молчишь?»

– Это было божественно, моя королева!

За удачную реплику я был вознаграждён новым поцелуем, и, похоже, Луиза, не вполне утолённая после долгого воздержания, совсем не возражала против повтора, наплевав на

предосторожность и намерение сократить встречу до минимального времени. Но продолжению романтической части помешали.

При звуке шагов по коридору королева насторожилась. Я привёл себя в порядок и нырнул за штору, подглядывая за происходящим в будуаре.

Королева поправила волосы перед зеркалом.

Всунулась и что-то пискнула горничная, тут же отстранённая дланью гвардейца, затем в будуар ввалился Генрих. Он был пьян и шатался, но демонстрировал завидную целеустремлённость.

– Дор-рогая, – он икал, некоторые слова звучали с забавным интервалом. – Ты отчего н-не спишь?

– Читала поздно, мой милый, – она ласково потрепала его кудри и чмокнула в потный лоб, отчего я ощутил странную смесь брезгливости... и ревности! Женщина, только что мне отдавшаяся, целует другого!

Ещё более странно было смотреть на Генриха после того, как я осуществил мечту самых дерзких придворных ловеласов – наставил рога королю Франции.

– А м-мне сказали, что у тебя ночной гость...

– Да, мон ами, – дерзко ответила Луиза, и я сжался от предчувствия, что она отдёрнет штору и заявит: «Вот твой наставник, Генри!» Но королева отдавала себе отчёт и вела тонкую игру. – Их было двое. Я не могу посвятить тебя в эту интригу, дорогой, но её итог ты узнаешь первым. Ты же мне

веришь?

– К-конечно, мой кролик... Сейчас твой лис тебя пойма-ет...

Эротическая игра закончилась прозаически – укладыва-нием монаршего тела на диванчик, где недавно возлежали двое. Убедившись, что король сразу уснул, Луиза вывела ме-ня в коридор.

– Милый граф! Видите, в каком кошмаре я живу. Наде-юсь, наша следующая встреча не будет прервана столь непо-добающе.

– Да, моя королева!

– Будьте воистину моим, де Бюсси! Частью моего тела, мо-ими глазами и ушами! Я думаю, война с гугенотами скоро закончится, вы вернётесь в Париж. Вы же будете мне сообщ-ать всё важное, что услышите от своих друзей?

Она искренне верит, что не только меня соблазнила, но также околдовала и завербовала. Разочаровывать прежде времени будет не благоразумно!

Гвардеец, стороживший тайную дверь снаружи, протянул мне повод Матильды. Он оказался на удивление разговорчи-вым.

– Ветер поднялся! Чую, будет дождь. В этом году ноябрь чертовски противный.

Я прыгнул в седло и пустил лошадь через стройку ново-го дворца. Ветер действительно досаждал, норовил сорвать шляпу и полоскал мой плащ, выгоняя остатки тепла из-за

пазухи.

Кто бы мог знать, что резкий осенний ветер бывает исключительно полезен...

Глава 3. Опасная работа

Несмотря на ненастье, настроение поднялось. Я помимо воли расплывался в улыбке, вспоминая четверть часа, проведённые у королевы, из которых минуты три были потрачены на декламирование и столько же – на подсматривание эротической охоты лиса за кроликом.

Бедная Луиза! Если моя нехитрая мера предохранения сработает, и она не забеременеет, будет в бесплодии винить не Генриха, а себя. Впрочем, прерванный акт не даёт стопроцентной гарантии.

Легкомысленное состояние души притупило чувство опасности, поэтому я встревожился, только отомкнув ворота сарая с коновязью. Меня насторожил запах.

За время жизни в Париже, огромном городе без канализации и очистки от мусора, я притерпелся к самым острым ароматам. И запах нагого, но не мытого под душем женского тела меня не отталкивал, разум быстро привык вычислять главное – призывную наготу пленительных форм, а не воздержание от гигиены.

Но это не означает, что я перестал чувствовать запахи. Особенно с улицы, продутой начисто осенним ветром. У коновязи разило конским навозом.

Я нащупал масляную лампу и высек искру. На фитильке затрепетал огненный мотылёк. В его неверном свете на бу-

лыжном полу проступили три кучки конских каштанов. Матильда за время короткого отдыха столько бы не отложила.

И кучки были свежими, выдавая, что ночью у бакалейщика побывали посетители. Или у меня. Простите, что не дождался визита, господа! И как же здорово, что благородные дворяне не снисходят до таких прозаических мелочей, как конский навоз.

Таинственные всадники убыли, но я всё же соблюдал осторожность. Перед открытием входной двери постоял с закрытыми глазами, чтоб они привыкли в темноте. Приготовил кинжалы. И только тогда, подозревая себя в паранойе и трусости, повернул ключ в замке.

На первом этаже было темно. Но орган чувств, в свете не нуждающийся, сообщил, что где-то во тьме скрывается мужчина, чей платок столь же тщательно обливает духами его слуга, как и мой Симон. Только я бы никогда не позволил своему разводить тошнотворно-сладкую цветочную вонь. А коль меня ждут в темноте, предусмотрительно убрав лошадей, значит – в квартире засада.

Их двое. Или даже трое. Если не задремали в ожидании моего прибытия, то готовы к удару кинжалом или шпагой, мой силуэт наверняка отчётливо виден на фоне открытой двери, темень на улице не столь уж непроглядная.

Дьяволыщина!

Что-то изнутри организма подсказало: лучше быть живым трусом, чем отважным мертвецом. Благоразумнее, наверно,

ретироваться, изобразив небольшой спектакль.

– Вот дерьмо! Как же я мог забыть!

Хлопнув себя по лбу для вящей убедительности, я отступил на улицу, словно вспомнив об упущении, требующем незамедлительного исправления. Удалась ли моя клоунада, не знаю. Никто не преследовал. Не исключено, что визитёры давно покинули дом на улице Антуаз, перепугав меня лошадиными фекалиями и оброненным душистым платком. Вдруг это приезжали просто деловые партнёры Бриньона? Правда, бакалейщики не ведут переговоры по ночам, а контрабанда наркотиков во Франции пока не прижилась.

Отперев стойло, первым делом прижался к тёплой морде Матильды, испытывая стыд. Она до конца не отдохнула после скачки к Парижу, свозила меня к Лувру, и теперь ей снова предстоит звенеть копытами по мостовой. Поэтому, отъехав на квартал, я спешил и повёл лошадь под уздцы.

Хорошее настроение от визита на королевское ложе улетучилось совсем. Если домой нельзя, что делать до утра? Бродить по небезопасным столичным улицам, изображая мучающегося любовной бессонницей романтического юношу? Хотя с опасностью тут я преувеличиваю – непогода загнала парижских крыс в их щели.

Ночных увеселительных заведений нет. И если придорожные трактиры так или иначе примут путешественника за полночь, здесь всё закрыто. Хоть возвращайся в Лувр и ночуй в караулке с приветливыми королевскими гвардейцами.

Память услужливо подкинула другой вариант. А если наведать московских негоциантов? Дрыхнут, конечно, но ради важного дела и разбудить не грех.

Адрес я запомнил смутно и направился туда с искренней надеждой, что не придётся колотить в каждую дверь квартала с вопросом: не здесь ли живут московские шпионы. Дорога предстояла длинная, вниз по течению Сены, практически к самому выезду из столицы. Так как большую часть пришлось одолеть пешком, заняло это больше часа. Зато шуметь не понадобилось, при свете фонаря, прихваченного на конюшне, я разглядел вывеску на французском и польском, что здесь предлагаются товары из Московского царства.

В ворота стучал долго. Наконец, в обшитой железом створке отворилось окно, явив моему взору заспанную курносую физиономию в стрелецкой шапке, столь же уместной в Париже, как головной убор из перьев вождя команчей. Стрелец отчего-то не обрадовался ночному клиенту и упорно пытался вытурить меня подальше, не обращая внимания на исторгаемые мной доводы. Постепенно дошло, что бугай не понимает ни по-французски, ни на русском литовском языке, а московским славянским со всякими «обло», «бяше» и «по-елику» я вообще не владел.

Наверно, наши бессмысленные препирательства потревожили всю округу, пока на двор не спустился начальник стрельца, который, отворив ворота, немедленно стиснул меня в истинно русских медвежьих объятиях. Пашка Ногтев мо-

ментально поднял на ноги резидентуру, чтобы натопить баню и вообще оказать дорогому французскому другу подобающий приём.

Аж неловко стало. Я вообще-то переночевать приехал да лошади дать отдохнуть.

Разумеется, выспаться не пришлось. Сначала угощение лёгкое, потом баня а-ля русс, да такая, что Чеховский выскочил бы ошпаренным зайцем, а Генрих просто умер. Наконец, угощение настоящее, плотное, пусть без столь изысканной сервировки, как в Лувре, но ценить натуральный продукт русские умеют!

Мы захмелели, осоловели. И не переставая говорили, причём – исключительно по-французски, Ногтев совершенствовался. Сочувствую ему, к концу XVI века фонетика уже заметно отличалась от написания, что для изучающих язык всегда сложно. Говорят, король Франциск I, утвердивший французский в официальном обращении вместо латыни, на предложение сблизить устную и письменную речь горделиво отрезал: орфография помогает отличить простолюдина от образованного человека, чем породил мучения школяров на ближайшие полтыщи лет.

– Знаю и про Генриха Наварру. И даже про твой конфуз с Эльжбетой... Прости, друг, что ткнул в больное. Зато мой брат Пётр успокоился. Монашка – она монашка и есть, то есть считай что и нет, – по-местному он говорил нескладно, повторяясь и путая слова. – А в Лувр тебя зачем звали? Если

не хочешь, не говори – пойму.

– Отчего же! – я рассказал ему всё, включая откровения медикуса о бесплодии короля, умолчав лишь о самой пикантной части свидания с Луизой. – Так что на одной половине дворца мне готов стол и дом, на другой меня рады видеть только в одном виде – усопшем. Да, нельзя забывать ещё Марго и Екатерину Медичи, про вторую не знаю, а уж королева Наварры точно нашла бы мне применение и в очередной раз пообещала романтическую встречу в койке.

– Бабы тебя любят, – пьяно поддакнул Павел. – Но проблем от них больше, чем утех. Я правильно сказал по-французски?

– Правильно. И по-французски, и по существу.

Он снова налил. Настойка, медовуха, квас. Железное правило «не понижать градус» было полностью проигнорировано, отчего даже могучий организм витязя дал сбой, он прикорнул прямо на столе, а через полчаса встрепенулся и заявил:

– Поехали – начистим рыло твоим... Ну что на улице Антуаэ.

– Павел! Ты – не боец сегодня.

– Знаю. Думаешь, я – пьян и не соображаю? Миль пардон. Пьян, но голова варит! – он плеснул себе ещё рябиновки и опорожнил, не закусывая. – Так хлопцы мои не пили.

– Лошадь устала...

– Новую дам. Хошь – карету? Не хуже радзивилловской...

Эх, оглоблю мне в дышло, зарекался не напоминать.

Точно так же вставляя исконно русские обороты во французский, он растормошил свою банду, и поздним утром стрелецкий отряд, как водится – с бердышами, двинулся на улицу Антуаз, распуская прохожих. В покинутом мной мире русская кавалерия гарцевала по Парижу только во время наполеоновских войн!

Отряд – громко сказано. Четверо верзил, не меньше самого Павла, включая курносого конопатого Тимофея, ночью посылавшего меня далеко-далеко. Но я хорошо помню польские драки, включая побоище у Вавеля. Из этих простоватых парней каждый троих стоит. А то и дюжины. Правда, жрёт за двоих.

Тимофею поручили лошадей, когда другие бойцы и наполовину протрезвевший воевода прокрались к двери у самой стены, чтоб не быть увиденными из окон. Правда, вплотную к стене больше всего шансов получить на шапку ведро помоев.

Я отворил дверь, и тотчас мимо моего лица что-то со свистом пронеслось, закончив путь во лбу спускающегося с лестницы мужчины в чёрном. В покойнике я сразу признал барона де Ливаро, одного из приближённых короля, миньон уронил взведённый арбалет. Хотел пристрелить меня прямо на пороге! Тем самым помог списать всё дальнейшее на оборону.

– Наш смельчак де Бюсси привёл за собой целую свору

дикарей? В одиночку боится зайти в собственную квартиру?

На лестнице, ведущей в мои скромные апартаменты, поигрывал шпагой маркиз д'Ампуи. Его белоснежные кудри задорно разлетелись в стороны, пышный локон закрыл правый глаз. Об этом существе, как я слышал, впору было петь песенку «голубое-голубое, не бывает голубей», но в фехтовании на шпагах у нас один и тот же учитель – Шико, что само по себе гарантия проблем.

– Луи, брат, он тебя подначивает. Вытяни гада вниз, прикончу его на...

Павел, хоть и сбивался похмельно с французского на русский матерный, рассуждал вполне трезво. Голубец предусмотрительно отступил наверх, частью укрывшись перилами. Метательная звёздочка Ногтева вонзилась в балясину. Даже наполняя дом винным выхлопом, воевода запускал мои подарки с изумительной точностью, я на его месте да под таким углом вряд ли бы пульнул лучше.

– Будем ждать, гугенот, пока нас не проведает гвардейская рота?

Проще всего было послать миньона подальше на его голубое небо и убраться восвояси, но я вдруг вспомнил о слуге. Симон точно был в квартире, когда мои непрошеные гости решили в ней обосноваться. Забрать его надо – не самому же стирать сорочки.

Стукнуло огниво. Стрелец, представленный мне как Фёдор, деловито запалил фитиль здорового пистоля. Тут

уж я решил вмешаться. Если пальнуть в маркиза из ручной пушки калибром с пивную кружку, того размажет по всему этажу, и я никогда не объясню уважаемым людям, что всего-навсего оборонялся. Верная шпага, выручай!

Хоть дом строился не как фортификационное сооружение, неведомый мне зодчий закрутил лестницу по всем правилам – она поднималась, закручиваясь влево, оттого моя шпага в правой руке норовила воткнуться в стену. Но и я – ученик Шико. Перебросив шпагу в левую, правую завёл назад, чтобы д’Ампуи раньше времени не увидел кинжал.

Изящного фехтования не получилось. Маркиз преспокойно удерживал меня на расстоянии, что несложно при такой позиции. Я не мог понять, он что – тянет время? И вправду ждёт подкрепления?

Ответ пришёл незамедлительно. Д’Ампуи виртуозно выполнил обвод, ударил снизу, мой клинок взлетел вверх, и остроносый сапог с дикой силой врезался мне в физиономию, отчего вселенная рассыпалась фонтаном зелёных искр. Я кубарем покатился вниз по лестнице. Следующий удар был не менее силён, когда затылок опробовал на прочность стену. Продолжения я не видел, ибо на смену искрам пришла тьма...

...Через секунду или через год, в беспамятстве время не идёт, картинка появилась вновь и неохотно начала обретать резкость, будто проступив на экране лампового телевизора с севшим кинескопом, я первым делом узрел склонённую ко

мне рожу маркиза с широко открытыми глазами и разъявленной пастью. Сейчас прикончит!

Но он не спешил и только капал на меня кровью из раны на шее, пробитой бердышом. Остриё глубоко вошло в стену и удерживало мертвеца от падения, пока Фёдор не выдернул бердыш, дёрнув за древко одной рукой. Миньон короля тотчас повалился, я с омерзением скинул с лица его пышные локоны.

А если бы не торопился добить меня и отсиделся наверху – был бы жив, утешая Генриха своими заднеприводными прелестями.

Павел отбросил труп в сторону и помог подняться. Мир качался, двоился и переполнялся до краёв нестерпимой головной болью. Лестница на второй этаж удлинилась раз в десять, по крайней мере, мне во столько раз труднее было её преодолеть.

Третий дежуривший в засаде, совершенно незнакомый мне коротыш, не обладал мужеством двух первых и без слов отдал шпагу. Павел тем временем извлёк из угла Симона, связанного по рукам и ногам, при этом смертельно бледного.

Я спросил пленника лишь об одном: кто их предупредил? Возможно, о моём появлении узнала половина Лувра, но троица уродов засела в засаде до моего интимного свидания. Недомерок сослался на маркиза де Ливаро, тот вроде бы думал идти один, затем решил пригласить д'Ампуи и третьего – нашего пленника.

– Граф, ваш Симон не дышит. Эти нехристи пытали его, кололи кинжалом. Он кровью истёк.

Головная боль накатила с новой силой. Пока я грешил с королевой, парился в бане и накачивался хлебным вином, доверившийся мне человек умирал! Пытаясь унять танец бегемотов между висками и затылком, я непроизвольно потрянул головой, с запозданием осознав, что Фёдор только что задал какой-то вопрос по-литовски. Стрелец принял мои ужимки за знак согласия, оттого незатейливо рубанул пленного саблей, раскроив ему череп и грудину.

Павел оглядел трупы. Похоже, он протрезвел окончательно.

– Граф, кого же мы отправили в лучший мир?

Вот в какую глубину веков уходит русская привычка бить насмерть, потом спрашивать фамилию!

– Двух любовников короля. И их товарища. Последнего, кстати, – совершенно зря.

– Дела... Что же я не сказал своим кафтаны снять?! Теперь весь Париж узнает, что русские прикончили королевских любимцев.

– На весь Париж плевать. Хуже, что узнает сам Генрих.

– Тогда... – воевода пристально уставился на меня, готовясь принять серьёзное решение. – Mon ami, мы пятеро прикнём к королю Наварры. И уедем немедленно – с тобой.

Спецназ из пятерых смоленских головорезов на службе французского вождя гугенотов?! Даже в самой смелой фан-

тазии я не мог представить подобного.

– А как царёва служба? Не ради торгового промысла же вас послали.

– Отрёкся Иоанн Васильевич! – поведал страшную тайну богатырь. – Татарин Симеон Бекбулатович на московском троне. Чёрт знает что на Руси!

То ли ещё будет! До Смуты всего ничего...

– Ладно. Да уж и я другого выхода не знаю. Едем! Сначала, Павел, накажи Фёдору поблагодарить бакалейщика. Только эта погань могла предупредить моих врагов, что я объявился в Париже. Сколько же ему посулили? Пусть только Фёдор жену и деток его не трогает.

Снизу донёсся короткий хриплый вскрик, затем истошный вопль мадам Бриньон, неожиданно ставшей единоличной хозяйкой бакалейного предприятия. Стрельцы деловито обшарили дворян, сдирая с пальцев перстни, из ушей серьги, с поясов – кошельки. Я же прихватил вещи, письма, окинул взглядом комнату, памятную по единственной нежной встрече с Эльжбетой... Сюда больше никогда не вернусь.

Закрыв глаза Симону. С выезда в Краков я теряю уже четвёртого слугу.

Видимо, служить лакеем у де Бюсси становится самой опасной профессией во Франции.

Глава 4. Засада

На орлеанскую дорогу мы отправились в том же составе, за каждым трусила запасная лошадь. Ногтев ехал чернее тучи. Он, по меркам Руси малопьющий, не мог простить себе, что затеял штурм на улице Антуаз с пьяной головы. Можно было сработать тоньше и без мяса. Хотя убийство слуги французам я бы не простил, как и тогда полякам.

К назначенному для встречи трактиру «Три кабана» отряд прибыл не в полдень, а на пару часов позже. Во внутреннем огороженном частоколом двореке я насчитал полдюжины хороших лоснящихся лошадей и несколько попроще. Если кто и приготовил мне очередную засаду (Чеховскому оторву голову по самые чресла!), то даже не вздумал скрываться.

Смоленские загодя переоделись, приобрели невзрачный вид местных простолюдинов, и только добрые кони да крупные фигуры, увенчанные широкими разругавшимися лицами, выдавали непохожесть. Бердыши, слишком приметные на западе Европы, они оставили в «торгпредстве».

– Граф! Мы зайдём первыми.

Мне подумалось, что за утро мои компаньоны достаточно сократили население Франции. Благоразумнее было шагнуть внутрь первым.

– Де Бюсси! – раздался гнусавый гасконский прононс Ши-

ко. – Наконец-то. Мы уж заждались, думали ехать без тебя. Прячь шпагу и присаживайся. Дорога в Беарн длинная, давай-ка подкрепись.

Чеховский сидел в конце длинного стола и что-то меланхолично пережёвывал. Не обращая внимания на реплику шута, ему сердито выговаривала неприятная женщина с младенцем на руках. Понятно, освятив в церкви законный брак и родив ребёнка, она сочла, что может творить с мужем всё, что заблагорассудится. Да и бегство из Лувра, самого желанного местожительства в стране, на юг к бунтовщикам, в полную неизвестность... Бедолага даже голову не поднял, осыпаемый градом упрёков.

Напротив Шико потягивал винцо гвардеец, прошлой ночью запустивший меня во дворец. За отдельным, самым тёмным столом сгрудились трое слуг, я узнал Жульена, лакея Шико. Другие трапезничающие не были похожими на посланных по мою или чью-то иную душу. Шпага вернулась в ножны. За спиной шумно выдохнул Павел – ситуация разрядилась без драки.

Есть не хотелось совершенно после ночного пира, но я решил выяснить, какого чёрта сюда припёрся мой бывший друг, похоже, намеревающийся составить мне компанию по пути к гугенотам, для чего пришлось занять место за столом. Молодцы Ногтева, напротив, шумно затребовали мяса и хлеба, эти слова они уже выучили.

– Вижу, наш Ежи прихватил дворянский эскорт. Чувству-

ет себя особой королевской крови?

– Запросто! – со смешком проскрипел Шико. – Сейчас во Франции и так слишком много королей и герцогов. Одним больше, одним меньше, какая к дьяволу разница?

– Позвольте представиться, ваша светлость, – гвардеец разговаривал куда учтивее. – Барон Роже де Фуа.

– Тоже дезертируете в Гасконь?

Молодой человек благородной, но несколько блеклой наружности печально кивнул.

– Королевская служба была не в тягость, пока надо мной не поставили герцога д'Эпернона, королевского миньона, главного любимчика Генриха и главного самодура.

Претензии его были не столь убедительны. Дикие нравы Лувра с бесконечными оргиями, гетеро- и однополым развратом, кровосмешением, пьянством, заговорами, предательством, убийствами, сифилисом и прочими прелестями придворной жизни были широко известны. Скорее поверю – барон счёл, что терпит превратности дворцовой службы, не имея особых перспектив при слабом и неблагодарном короле. Зарабатывать титулы в монаршей постели он был не склонен. Католик, поэтому в свите принца Конде ему делать нечего. Круг гиззаров, приближённых к герцогу, узок и замкнут. Значит – путь ему к веротерпимому и гибкому Наварре.

Понятно. А Шико?

Он предпочёл объясниться в пути, предложив отстать.

– Расскажи сначала, что творится у Наварры. Он метит на парижский престол?

Я зябко поёжился. Мы ещё слишком мало отъехали на юг, чтобы потеплело хоть чуть-чуть.

– Все, кто имеет хоть какие-то шансы на трон, о нём мечтает. Поверь, Шико, если бы в тебе плескалось хоть полкружки благородной крови, ты бы тоже сколачивал армию и доказывал своё происхождение напрямую от Юлия Цезаря или даже Иисуса. Генрих полон надежд и амбиций, но, похоже, его примиренческая позиция между католиками и гугенотами сегодня не самая выгодная. Жители Франции предпочитают крайности – или одних, или других.

– Правильно! Потому что миротворцем и вождём для всей Франции может быть только один человек – законный король. Если он выпустит из тюрем бунтовщиков, помилует Наварру и его сторонников, а заодно уговорит гиззаров придержать лошадей, в стране наступит мир.

– Вряд ли надолго.

– Конечно! – беззаботно согласился мой собеседник.

– Но пока мира нет, идёт война. Ты – человек Лувра. Так какого чёрта едешь со мной?

– Чтобы передать предложение о мире Наварре и принцу Конде. И отправился бы без тебя, в компании Чеховского с его сварливой мадам. Чего задержался? Пока нет перемирия, Париж для тебя – мышеловка. Вижу, развлекался. Вон какой гужак на лбу – что лошадь копытом заехала.

Для одного дня слишком много вопросов на мою разбитую голову. Что-то не вяжется. Если Генрих созрел до очередного перемирия, зачем посылать убийц ко мне домой?

Рассказ об утреннем поединке, где я скромно умолчал о роли русских молодцов, вызвал у Шико приступ смеха.

— Ваша светлость изволила здорово уменьшить шансы на мир. Король будет в ярости, потеряв от руки сторонника гугенотов двух своих самых нежных друзей. А ты стареешь, если в поединке позволяешь заехать себе сапогом по физиономии. На ближайшем привале возобновим упражнения.

— То есть объяснения, почему наш миролюбивый Генрих решил убить приближённого Наварры и одновременно предложить гугенотам мир, у тебя нет.

— Нет, потому что миньоны, а оба тебя терпеть не могут, похоже, думали воспользоваться случаем. Охоту за твоей головой никто не отменял. Дурацкая случайность, не находишь?

Шико с показным равнодушием грыз соломинку. Я сам был готов пристрелить его из арбалета. Он часто рискует шкурой, но при этом к её целостности относится ревностно. Мою ему, естественно, ничуть не жаль.

На следующий день я отсёк Чеховского от двуколки с его благоверной и дитём. В воровато-настороженных глазках эскулапа мелькнул намёк на благодарность. Он был рад любому поводу хоть на минуту избавиться от супружеских нравучений.

– Зато она из Лотарингии, как и королева, – утешил я его израненную душу.

– Лотарингия рождает не одних только королев, ваша светлость.

– Не ропщи на судьбу, Ежи. Сидел бы сейчас в Лодзи и еле сводил концы с концами.

– Ваша правда, сеньор. Простите, что однажды я позволил себе забыть, кому обязан...

– Не однажды. Ты предавал и доносил минимум полдюжины раз. Поэтому закрою тебе пасть навсегда при первом же подозрении. Даже если не виноват. Хоть и жаль оставлять вдовой столь энергичную даму из Лотарингии.

– Я понял, ваша светлость. Давно понял и осознал. Располагайте мной!

– Для начала расскажи мне всё, что знаешь о...

Я на миг запнулся, потом спросил его о паре дворян, к побоищу на улице Антуаз никакого отношения не имеющих. Услышал про их недомогания, жён, любовниц и долги. Длинноносый пройдоха знал о пациентах куда больше положенного врачу, а про врачебную тайну слыхом не слыхивал. Тем более на меня рассчитывал и боялся.

– Барон де Ливаро?

Чеховский словно уксуса хлебнул.

– Если позволите так выразиться, он – мерзейшая личность. Как и его кузен. У обоих французская болезнь, печень слабая, особенно у д'Ампуи, тот всё время запудривал жел-

тизну на лице...

Когда я видел его рожу в последний раз, она была скорее бледная, чем жёлтая. У покойников редко бывает здоровый цвет лица.

— ...А у де Ливаро слабое сердце, одышка. Вчера в обед они собрались уезжать из Лувра, д'Ампуи меня затребовал, наказал приготовить для кузена сердечный отвар.

— Во сколько они уехали?

— Точно не скажу. Засветло.

Рука, удерживающая повод Матильды, дрогнула. Почувствовав моё настроение, кобыла тревожно заржала.

— И больше в Лувре не появлялись?

— Нет. Они были как взведённые арбалеты, оба вооружённые до зубов, де Ливаро надел панцирь под камзол, едва дышал в нём.

Я отвернулся, чтобы не выдать чувств. Выходит, миньоны готовились меня убить до того, как во дворец мог прискакать гонец с доносом от бакалейщика! То есть меня предал кто-то из окружения королевы. Не только знавший о факте отправки письма, но и его содержание...

Причём родственнички не пытались напасть на меня по пути в Лувр, хоть устроить засаду и расстрелять меня прямо на улице было не слишком сложно. Нет, сочли необходимым, чтобы встреча во дворце состоялась!

Получается, миротворческие планы Генриха не должен был испортить мой труп на парижских улицах? Что-то не так

с логикой.

Очевидно, что Луиза преувеличила их раздор. Да и визит короля в апартаменты королевы показал, что внешне у них благопристойно, как в семье обычного русского кузнеца-пропойцы: муж бухает, жена терпит. И Шико – человек королевы. Следовательно, предложение мира с гугенотами исходит от неё в той же степени, что и от Генриха.

Эту мысль я первым делом высказал в походном лагере около Ортеза, на северо-западе Гаскони, передав Наварре предложение на время спрятать шпаги в ножны.

Шатёр протекал. Если вообразить место, менее подходящее для августейшей особы, оно в любом случае выглядело бы привлекательнее этого солдатского жилища. Облечение короля соответствовало. Если бы не утончённое лицо с очень длинным, даже по аристократическим меркам, носом, его можно было спутать с любым из шевалье королевской свиты.

– Подробности расскажет Шико, ваше величество. Он прибыл со мной, и по недоразумению его тотчас арестовали ваши солдаты.

Наварра, развалившийся в кресле у столика за нехитрым завтраком, иронично поднял бровь.

– Он позволил?

– Отдал шпагу без единого звука. Хорош был бы миротворец, в начале переговоров прирезавший полдюжины наших сторонников.

– Вот это выдержка! Хорошо, Луи, сейчас прикажу его привести и вернуть оружие. Но сначала объясни мне: что за пятёрка странных субъектов с тобой, не говорящих по-французски?

– Наёмники из Московской Руси. В деле проверены, – я кратко рассказал о кончине кузенов. – Приехали мир повидать, ратному делу учиться и, не без этого, золотишка прикопить.

Король приподнял и вторую бровь.

– С золотом у нас туго, ты знаешь не хуже меня. Ратное дело? Это что-то по-русски? Военному искусству во время перемирия не научишься. Хочешь – бери их на своё содержание. Доходы с поместья де Клермонов гораздо больше, чем с Наварры. Но лучше скажи, зачем тебе эти восточные татары?

Потому что в глубине души я – по-прежнему полковник военной разведки Российской Федерации. Вслух, разумеется, было произнесено совсем иное.

– Я уже докладывал вашему величеству, что в политической перспективе союз Парижа с Москвой позволит создать альянс, который возьмёт всю Европу в клещи. У нас нет общих границ и поэтому – взаимоисключающих интересов, а совпадающих интересов много.

– Брависсимо, мой дорогой граф. Вот только озабочусь я этим, если получу французский престол, – так как мы были одни в походном шатре, король добавил: – Передай Мартену привести мне Шико. И принести ещё вина. Чертовски хо-

лодно! Даже вином не могу согреться.

Посулы из Парижа заинтересовали Наварру, он приказал немедленно сворачивать лагерь и скакать к По. Многое из произнесённого Шико было и для меня сюрпризом. Генрих III впрямь решился на серьёзные уступки ради перемирия.

– Что же ты молчал?

Бывший друг, отношения с которым несколько потеплели после тренировок и нанесённых основательных ушибов, причём отметины появились у обоих, хитро ухмыльнулся. Отряд Наварры, два десятка верных ему людей и десяток из приехавших со мной, втягивались в длинную ложину, поросшую мелкой растительностью по обеим сторонам. Мы с Шико выехали вперёд, Генрих с телохранителями скакал сзади, за ним тянулись две больших крытых повозки. Короли, даже из самых маленьких королевств, не умеют путешествовать без свиты и багажа.

– Приберёг туза в рукаве, хотел сам увидеть реакцию.

Несколько беспечное настроение, всё же мы путешествовали с гугенотским королём по гугенотскому краю, притупило мои чувства. Иначе бы я внимательнее рассматривал кусты и мелкие деревца, практически потерявшие листву, что-то заметив раньше... А так среагировал, лишь увидев движение слева.

Осаженная Матильда привстала на дыбы, потом рванула с места, получив шенкелей, в обратном направлении. Спутнику я успел лишь сказать вполголоса: «Засада!» Шико тут

же рванул вперёд.

Во всадника, несущегося во весь опор, попасть крайне сложно. Злоумышленники и не пытались – пули полетели в Генриха и его свиту. Их планы расстроило наше «боевое охранение» с Шико, они были вынуждены начать пальбу слишком рано.

К счастью, король не пытался героизировать понапрасну. Пригнувшись к шее коня, он заставил его пятиться под защиту фургона, кучер которого свалился с облучка – раненый или смертельно напуганный. Пуля угодила в правую лошадь, та испуганно заржала и рванула вперёд, увлекая напарницу. Почудилось, что сквозь конское ржание, стук копыт, крики и бряцанье металла донёсся хруст костей, когда колесо фургона наехало на бедолагу.

Я поравнялся с королём, он был бледен от бешенства.

– Де Бюсси! Клянусь всеми святыми, нужно непременно выяснить, кто их послал! Конде? Гиз?

Да уж, это точно не банда разбойников с большой дороги.

– Я займусь, ваше величество.

После первого залпа зазвучали одиночные выстрелы. Неприятельские аркебузиры палили нестройно, как только хватало снаровки перезарядиться. Мы отъехали шагов на полтора-два, с такой дистанции в XVI веке попасть в человека возможно, лишь подняв ствол круто вверх и уповав на удачу.

Мой наскоро сколоченный план Павел принял со скепси-

сом, но не отверг. Пятеро французов-гугенотов отправились с ним, едва не фыркая от неудовольствия из-за подчинения иностранцу-варвару с Востока. Тимофей, приставленный к моей персоне, явно расстроился, что самое интересное произойдёт без него.

Мы погнали вперёд, придерживая лошадей, вдвое тише, чем я нёсся к Наварре. Этим обманным маневром хотел отвлечь стрелков от отряда Ногтева, остальные гугеноты начали столь же нестройно палить по кустам из пистолей. Наверно, с тем же результатом.

Что-то холодное, скользкое сдавило мои внутренности. Повторюсь, попасть из аркебузы в скачущего всадника сложно. Спустив курок, нужно ещё вести стволом этой ручной пушки, выдерживая упреждение, пока фитиль воспламенит порох на полке, а тот – вышибной заряд. Но стрелков больше десятка. Какая-то шальная пуля может запросто найти цель... Я словно чувствовал чёрные провалы стволов, следивших за нами с Тимохой.

Стрельба вразнобой стихла. Негодяи явно перезарядились и только выжидали, когда наша парочка приблизится...

Залп слился в раскат грома! Я почувствовал сильный толчок, Матильда резко приняла вправо и жалобно заржала, но не сбилась с аллюра. Нас обогнал Тимофей, поколачивая своего битюга пятками – человек и его копытный транспорт явно не пострадали.

Мы вынеслись к Шико, невозмутимо ждавшему развязки

впереди с приготовленными пистолетами в руках. Весь вид гасконца показывал полное безразличие к чужой войне.

Спешившись, с волнением осмотрел бок своей кобылы. Попали, черти! Пуля пробила насквозь левую седельную сумку и застряла под кожей. По лошадиной шкуре кровь прочертила влажную полосу. Ну, не смертельно, и то – слава Богу, если он есть.

Швырнув повод Шико, я по широкой дуге побежал к огневой позиции наших обидчиков, намереваясь зайти с тыла. «Нормальные герои всегда идут в обход...» – всплыли в памяти слова из детской песенки. Если честно, царапина на Матильде разозлила меня больше, чем гибель кучера. Конечно – он человек, а не животное. Но Матильда со мной столько лет! Стареть уже начинает. Раздавленного я практически не знал.

К месту схватки опоздал. Впереди грохнул пистолетный залп, его звук никак не спутать с бабаханьем аркебуз. Я перестал скрываться и пригибаться, пошёл через кусты с напористостью лося. Впереди поверх зарослей мелькнула конная фигура, Тимофей ринулся к полю брани не спешиваясь, верхом сквозь редколесье.

Из-за растительности трудно было разглядеть, сколько там рубится наших против засевших в засаде. Ясное дело, Ногтев проредил их банду, разрядив пистолеты в упор, но, похоже, живых осталось многовато. Разделённые можжевельником, люди дрались мелкими группками, пришлось

спрятать пистолеты из-за опасности ранить своего. С привычным шелестом шпага покинула ножны.

Ближайший ко мне мужчина в чёрном плаще и в чёрной шляпе с лиловым пером наступал на Павла, явно переигрывая его в искусстве владения шпагой. Мой товарищ, всецело отдав внимание обороне, не мог улучшить ни единого мига, чтобы вытащить метательную звезду.

Пришлось вмешаться. Тихий свист рубящего удара шпагой был практически не слышен из-за криков, звона оружия и топота ног, но соперник Ногтева ещё как ощутил нападение в спину, когда острая грань первой трети клинка чиркнула по коленной впадине, перерезав сухожилия. Он обернулся как ужаленный, я успел крикнуть смоленскому – этого берём живым, отступив на пару шагов. Фехтовальщик дёрнулся вслед за мной и упал, когда нога отказалась служить. При виде шпаги, наставленной на переносицу, покорно бросил свою.

В общем, мой пленник оказался единственным выжившим, способным членораздельно говорить. Двое других, принесённых гугенотами и русскими, смогли лишь пробормотать проклятия да испустить дух.

Я всмотрелся в смутно знакомые черты раненого и невольно отшатнулся. В памяти всплыли Варфоломеевская ночь, чудовищное побоище и моё личное участие в нём, когда ещё не дошло, что вокруг – новая жестокая реальность, а не сон в декорациях XVI века.

– Ты – сын маркиза де Ренеля?

– Точно. Здравствуй, дядюшка де Бюсси. Или кем ты мне приходишься? – человек, лёжа на стылой земле, перевернулся, пытаюсь унять кровь, льющуюся из раны под коленом. – А, вспомнил. Ты – убийца моего отца.

Уняв внутреннюю дрожь, я склонился над ним.

– Допустим, у тебя есть все основания ненавидеть и преследовать мою персону. Но ты охотился за Генрихом Наваррским! Чем тот тебе не угодил?

Породистое лицо, перечёркнутое сабельным шрамом, подёрнулось гримасой презрения.

– Из-за денег, де Бюсси, всего лишь из-за денег. Ты не только убил отца. Вы, сторонники короля, обобрали нашу семью до нитки. Зарабатываю как могу. Например – режу подобных тебе.

Я присел к нему, приглядывая за руками де Ренеля. Шпаги, кинжала и пистолета тот лишился, но у разбойников за просто что-то может быть припасено.

– Если хочешь жить и не болтаться на виселице, расскажи-ка о заработках подробнее. Сам понимаешь, наше... гм, родство не даёт повода ходатайствовать за тебя королю Генриху. Ведь не ради грабежа напал на большой отряд?

Молодой человек крутнул головой, осматриваясь. Свирепые лица стрельцов, с ног до макушки заляпанных красным, убедили его, что я – далеко не единственный источник неприятностей.

– Кто же знал, что с Генрихом будут эти зверюги... Обычно с ним человек десять.

– Только не лги мне, будто собирался грабить Наварру. О его нищете известно последнему нищему... – я осёкся, невольно обронив каламбурчик. – Кто тебе заплатил?

– Я не знаю его имени. Высокий, благородного вида. Светловолосый. Точно – не француз. Дал пять испанских золотых, обещал ещё десять... Проклятие! Я теперь ходить не смогу.

Он откровенно рассказал про встречу в По, о странном акценте того господина, не испанском, скорее – германском. Сдал «адреса, пароли, явки», включая место встречи, где должен был встретиться с заказчиком, предъявить в доказательство отрезанную голову Наварры (даже так!) и получить остальное золото.

Я обменялся понимающими взглядами с Ногтевым. Вряд ли из раненого можно выжать что-то ещё. Уходя, услышал слабый вскрик за спиной. Стрельцы предпочитают обыскивать трупы, а не раненых. Жестокий, но благоразумный подход.

Глава 5. Рана в сердце

Мы лишились троих – кучера и двух дворян-гугенотов. Сцепившиеся с бандитами де Ренеля люди Генриха получили колотые и рубленые раны, не дав соскучиться Чеховскому. Фёдор остался без глаза и замотал голову тряпицей. Потерю лошадей возместили клячи разбойников, из них прилично выглядел только мерин предводителя, его я взял себе, не желая тревожить Матильду, рану кобыле я промыл и зашил собственноручно. Польский эскулап в это время врачевал людей, и эти пациенты, в отличие от лошади, не грозили прокусить ему руку насквозь, когда игла с ниткой впивалась в шкуру.

– Только не говори мне, что я воочию увидел преимущества союза с варварской Русью. Шико в одиночку покрошил бы больше людей, чем твои «б'огатыр'и».

Наварра выговорил непривычное русское слово с ужасным акцентом. Ехавший поблизости Тимофей прыснул, не выказывая ни малейшего почтения к коронованной особе. Чьё бы мычало! Сам даже «пардона» не выучил.

Король продолжил беседу, будто ничего не произошло с того момента, когда мы с Шико оторвались от королевского эскорта и проскакали вглубь злополучной лощины, где поджидала засада. Никакой благодарности к команде Ногтева он не выразил, приняв их службу с истинно королевским рав-

нодушием. Хорошо хоть не возмущался, что стрелыцы разделили между собой испанское золото де Ренеля.

– Как тебе приглянулась королева? Блюдёт себя или начинает распутничать по примеру моей Марго, в лучших традициях Лувра?

В памяти невольно всплыли голые коленки Луизы, призывно раздвинувшиеся, открывая дорогу к вожделенному для мужчин сладкому полумраку. Эротичная поза ни в коей мере не вязалась с полным отсутствием прелюдии и расчётливым взглядом монарших глаз поверх задранных юбок. Королева выполняла свою работу, затеявая долгоиграющую интригу, но не распутничала.

– Её поведение в высшей степени достойное, ваше величество.

Наварра недоверчиво погладил ус. Беседуя со мной, он продолжал шарить взглядом по холмам вокруг дороги, на которые опускался серый ноябрьский вечер. Начал накрапывать дождь.

Я уловил беспокойство Генриха. В сумерках и влажном тумане напороться на засаду ещё проще. Но чтобы две сразу на расстоянии нескольких часов пути – мне не верилось.

– Боюсь, де Бюсси, ты вообще не ценишь женское общество, тебя окружающее. Даже королеву. Признайся, из сердца не выходит польская вдовушка?

Из уст другого я бы счёл эти слова насмешкой. Но Наварра, сам в любви не слишком удачливый, был искренен.

– Она приняла монашеский постриг.

– Знаю. Не буду утверждать, что твоя проблема решается легко, но пока ты катался в Париж, ко мне пробился на аудиенцию ватиканский посланник, монах.

– Привёз официальное письмо от папы?

– Сугубо личное послание. Мол, Иисус был милосерден и нам велел проявлять милосердие. А также терпимость. Вернись, так сказать, заблудшая овца, в лоно истинной церкви, и простятся твои грехи.

– И что вы ответили, осмелюсь поинтересоваться?

– Обещал принять к сведению. Мы долго разговаривали с монахом. Он дал понять, что Святой Престол устал от религиозных войн и готов на самые большие послабления. Наверно – чтобы потом затянуть подпругу.

– Простите, ваше величество. Я всё ещё не могу понять, куда вы клоните.

– Ты сослужил мне верную службу, граф. Днём вовремя заметил опасность. Возможно, я бы уже лежал мёртвым на дороге, а моя голова ехала в седельной сумке в По.

– Рад, что могу быть полезным, мой король.

– А всякая служба достойна награды. Если я приму папские условия, мне не сложно попросить ещё об одном исключении из правил. Допустим, тот же монах шепнёт настоятельнице монастыря: убедите послушницу Иоанну, что у неё остались мирские дела. И вот, глядите, индульгенция за подписью его святейшества, отпускающее сестре сей грех, ибо

деяние это богоугодное, а не богопротивное.

Я не стал обсуждать противоречие в логике: если богоугодное, то в чём же грех... Сердце выдало барабанную дробь! Неужели это возможно?! Тогда не найдёте более рьяного борца за дело межконфессионального мира!

Боюсь, покер-фейс мне нацепить не удалось, Наварра читал мои чувства по физиономии, расплывшейся в дурацкой улыбке.

– Не знаю, как благодарить вас, ваше величество! Простите мою дерзость, а если намекнём Ватикану сделать этот шаг безо всяких условий, в качестве жеста доброй воли? – дипломатия XVI века ещё не знала такого понятия, как «добрая воля», пришлось разъяснить.

– Быть может, оно и к лучшему. Подданные увидят заботу о наиболее преданных слугах, а противникам мира с католиками придётся учесть – я уже связан с Римом неким обязательством. Тебя, кстати, святоши не осаждали? Они тоже могли использовать карту польской монахини.

А кстати... Я отделился от короля и, погоня трофейного мерина, догнал Матильду. В сумке, перекинутой поверх седла, красовалась дырища от пули.

Прореха виднелась и на каждой странице письма. Прележав год в конверте, оно не утратило запах свечей и ещё чего-то, неизгладимо церковного.

Я дочитал до последней строчки.

Буквы вдруг утратили чёткость, размазались по листу.

Время вокруг меня остановилось...

Пуля пробила всего лишь бумагу. А будто бы сердце!

Вселенная превратилась в гулкий колокол, и я очнулся внутри его пустоты.

Один. Теперь – навсегда один...

И чёрт дёрнул короля именно сейчас заговорить об освобождении Эльжбеты из монастыря... Дать надежду, пустую надежду, прожившую всего лишь минуту...

Когда Эльжбета уже год находится за порогом, откуда её не вернёт даже папа римский!

Никогда!

Моя девочка умерла в ноябре. Ровно год... Вряд ли настоятельница желала сообщить кому-то из мирян о кончине сестры, но, как следует из письма, такова была последняя воля усопшей.

А я, скитаясь по югу Франции и отнимая чужие жизни, даже не подозревал, что оборвалась единственная важная для меня ниточка в этом мире.

Никакого предчувствия. Никаких сигналов. Никаких тревожных звоночков в подсознании! С самой нашей последней встречи и до этой минуты Эльжбета оставалась для меня живой! С ней вёл долгие мысленные разговоры, рассказывал о своих чувствах, о покинутом мире, о несбывшихся мечтах, о дочке, погибшей под французскими бомбами в Сербии...

Всё. Их обеих больше нет. Ни в одном из миров!

И меня нет. Потому что жалкая тень человека, качающа-

яся на чужой лошади и в чужом теле – тоже не человек.

Я не знаю, не помню, не желаю слышать, что мне говорили! Вообще, дорога до ближайшего постоянного двора куда-то пропала, словно ненужный, свёрнутый и заброшенный в кладовую ковёр. Слабое кислое вино лилось в меня как в бездонный провал, ничуть не давая облегчения, затем всё исчезло...

Линия сердечного ритма на мониторе выписала несколько сумасшедших прыжков и вдруг выпрямилась, затрепетав мелкой дрожью фибрилляции. Взвыл тональный сигнал тревоги. Французские врачи с неохотой отложили круассаны с кофе, смуглый доктор – сэндвич с халяльной говядиной. Коматозный пациент столько лет не доставлял беспокойства, и тут...

– Разряд!

– Есть разряд!

Сердечный ритм восстановился лишь с третьей попытки.

– Что-то наш русский сегодня совсем плох, – заметил ассистент, стягивая перчатки. – Кстати, доктор, откуда у него этот шрам под глазом? Я помню, год назад сюда перевёлся, не было шрама. Одни морщины. Совсем старый стал.

– Не знаю, – ответил врач. Он тоже снял перчатки и швырнул в мусорку. – Хоть бы наши перестали упрямяться и разрешили русским забрать его в Москву. Может, на Родине оклемается.

– Значит, если наш доктор свалится в коме, отправим его в Дамаск! – хихикнула медсестричка на ухо другой.

Перебивая больничные запахи, в палате появилось амбре винного перегара. Врач как истый суннит, отвергающий спиртное, гневно потянул носом, стараясь выяснить, кто из бригады употребил на работе. Тщетно! Винный дух шёл от больного.

– Похоже на красное сухое вино, – заключил опытный ассистент. – От русского я скорее ожидал водочного выхлопа. Русские – они такие, водку даже в коме найдут.

Пациент выгнулся, встряхнул руками и затих. Очевидно, во вселенной, где гуляло его заблудившееся сознание, пожилому мужчине приходилось несладко.

...Из забытья меня вышвырнуло как воздушный пузырь из глубины. Непереносимая боль утраты, возведённая в степень благодаря жуткой головной боли, сложились в настолько бесчеловечное сомножество терзающих чувств, что больше всего захотелось обратно. В темноту. В ничто. Навсегда!

Но помереть мне не дали, пусть жизнь порой хуже смерти. Ногтев опрокинул на меня ещё ведро ледяной воды, первое как раз и послужило причиной пробуждения. Невзирая на попытки сопротивления, они с Тимофеем сграбастали меня под руки-ноги и потащили в баню.

На юге Франции – русская баня? Впрочем, сложена она была очень наскоро, в простом бревенчатом сарае, натоплен-

ном по-чёрному, булыжники поверх железного ящика с углями, шайка с холодной водой, с нагретой водой, низкая полка и высокая полка, при виде которой мой больной разум сообразил: главные мучения дня только начинаются.

Минуты длились как годы. Всё мечтал – сейчас потеряю сознание и не очнусь никогда... Красота!

Не позволили. Через часа два, отдубашенный еловыми ветками (а где взять сушёные дубовые или берёзовые?), брошенный в холодную воду и снова истерзанный в парной, я лежал на длинной скамье, обёрнутый как мертвец в длинное белое полотнище, а стрельцы о чём-то балагурили на своём московско-тарабарском наречии, в коем только матерные слова были хорошо знакомы. Фёдор с провалом на месте глаза смотрелся зловеще, пока не натянул повязку, правда, и с ней не казался пушистым домашним питомцем.

Внутри сунулся горбатый нос Чеховского. Эскулап втянул ноздрями удушливый чад примитивного очага и ретировался. Думаю, убедить Наварру принять баню а-ля русс по примеру Генриха Анжу ему не удастся. Мой нынешний король не страдает французской болезнью и другими болячками, в некоторой степени излечиваемыми парилкой. Хоть мыться почаще ему бы не помешало.

– Где я? Что это за...

Скорее всего, из моей пространной тирады русские поняли только самые энергичные выражения, коим в неизменном виде суждено пережить петровские реформы и наше-

ствие французского, если, конечно, здешняя история повторит мне известную.

– Оживаешь, – заключил Павел и протянул мне кружку ледяного сидра. – Много не налегай. Сидр тоже хмельной слегонца, тебя со вчерашнего опять развезёт.

Рождённые в Московии – потомственные эксперты по похмелью. Хотя на Руси и не пили так по-чёрному, как в XIX веке, когда началось спаивание населения ради выдавливания последних медяков... опять-таки, в другом мире, в моём нынешнем всё может произойти иначе.

Мысли двинулись в привычном порядке, мозг перекручивал увиденное, сравнивая с опытом де Бюсси и знаниями полковника внешней разведки РФ, а душу по-прежнему испепеляла боль от страшного известия из простреленного письма. Я продолжаю жить, хоть непонятно – зачем...

Воевода присел рядом со скамьёй. Его коротко стриженная голова оказалась совсем близко. Он отобрал у меня кружку с сидром и отхлебнул.

– Знаешь, когда Генрих Анжуйский запил на месяц из-за смерти Марии Клевской, я счёл его слабаком. Но, брат, он не был близок с твоей... – Павел не назвал её по имени. Деликатный бугай-стрелец, слышали о таком? Мне не приходилось. Ногтев меж тем вздохнул и продолжил: – Ну, а я знал ту литвинку. Немного. Поэтому понимаю тебя.

– И что?

– Да ничего хорошего. Она была как роза, выросшая на

севере среди снегов. Распустилась, расцвела. Но выжить не смогла бы. Никак.

Французский Ногтева здорово подтянулся с нашего выезда из Парижа, ошибки он делал редко. Наверно, забрал способности у подчинённых.

Русич выразил то, о чём я думал уже миллион раз: Эльжбета была рождена не для этой эпохи и этой страны. Более того, я не представляю, какое время и какое общество ей бы подошло. Вряд ли идиот-духовник, накачавший юную девушку религиозным максимализмом, в полной мере виноват в её странном мировоззрении. Христианские догмы внушали многим, но далеко не все скатывались до подобной жертвенности. Умерщвление плоти в монастыре её доконало всего за... Бег мысли прервался для несложного арифметического расчёта. За девять месяцев!

Я резко выпрямился на скамье, встревожив смоленскую сиделку.

Девять месяцев! Совпадение или... Или она умерла родами, а в монастыре живёт наш сын? Или дочь. А может – ребёнок не пережил рождения либо не дотянул до года, в XVI веке до первого дня ангела не доживает половина младенцев...

Голова затрещала, и я с запозданием понял причину – слишком сильно стиснул её руками. Ч-чёрт, я, похоже, моторику не контролирую, сейчас любой прохвост, вызвавший меня на дуэль, заколет первым же выпадом.

Та-а-ак... Что-то изменилось. Лишь недавно мечтал вырубиться и не проснуться, сейчас вдруг обеспокоился, что случайно помру, не узнав о произошедшем в монастыре. Даже если никто меня не ждёт, в том числе розовощёкий младенец, не знающий, кто такие папа и мама, надо, непременно надо узнать! Какого дьявола я не раскрыл письмо в Париже?! До монастырских стен меня отделяли всего несколько часов резвой скачки!

Итак, я получил хотя бы временный стимул к жизни.

А также вспомнил об обязательствах. Банда Ногтева присоединилась к Наварре, но фактически последовала за мной. Парни, конечно же, не пропадут. Но слишком многое с ними связывает. Павел мне жизнь спас, и не раз. Не его вина, что этой своей жизнью я не слишком дорожу.

– Мне нужно вернуться в Париж.

Воевода истолковал мои слова превратно.

– Могилку навестить? Так не пустят тебя добром. Неужто полезешь в женский монастырь ночью, тайком, словно в особняк Радзивиллов?

– Да, в монастырь. Но не ради могилы. Потом объясню. Поверь, это важно.

– Ну, раз важно... Наварра не удержит тебя? Что я несусь, кто ж тебя удержит... Поедем и мы с тобой. Только он ещё об одной службе просил – заехать в По и встретить в таверне светловолосого господина, требовать плату за голову. Сам здесь задержится, чтоб тамошние не узнали до срока – жив

ещё король.

А золотые испанские дублоны поделить на пятерых или, со мной, на шестерых, даже если у светловолосого будет иное мнение.

К разочарованию стрельцов, наш злодей в назначенной таверне не объявился ни в первый, ни во второй, ни на третий день. На четвёртый мы вернулись к Наварре.

Ему основательно надоел скитальческий образ жизни, Генрих на время осел со своей свитой в поместье дальнего родственника. К нему вернулись монаршьи манеры, он более не трапезничал с приближёнными в походном шатре, а церемонно принимал в зале, нисколько не смущаясь, что тот зал можно было пересечь несколькими шагами, а заменителем трона служило обыкновенное кресло с высокой резной спинкой.

Главным же украшением королевских апартаментов служил жарко натопленный камин, и я едва удержался от соблазна протянуть к огню озябшие во время скачки руки. Во временной королевской резиденции находился ещё один высокородный вельможа, в присутствии которого лучше было снять шляпу и раскланяться по протоколу, оставив Ногтева снаружи, не слишком искущённого в придворных манерах.

У кресла Наварры ошивался герцог Анжуйский и Алансонский, принц и младший брат короля Франции, но поддерживающий нашего короля.

– Как бы то ни было, – подвёл черту Генрих, – война закан-

чивается, а желающих продырявить мою шкуру всегда найдётся в достатке. Граф, я никогда не смогу оплатить вашу службу ходатайством перед папой, но что бы вы желали...

– Немедленно отправиться в Париж. У меня отыскалось неотложное дельце, ваше величество. Прошу освободить меня от службы!

Герцог и король обменялись взглядами.

– Его королевское высочество принёс благую весть – король Франции подтвердил намерение раз и навсегда покончить с войной, ради чего признать права гугенотов. В противном случае страна будет ослаблена ещё больше, власть в Париже захватят сторонники Гизов, – Наварра испытующе посмотрел на меня, словно не решив ещё – возможно ли мне доверять после нервного срыва и пьянства, а потом ещё проваленного задания изловить вдохновителя засады. – Думаю, граф, вам рано отходить от дел.

Глава 6. Надгробие с чужим именем

Если кто-то тешит себя иллюзиями, что в женском монастыре обитает сборище мегер, озверевших от недостатка мужской ласки и готовых с бешеной страстью наброситься на любого посетителя, то ничего подобного. Унылое, давящее место.

Серые стены бенедиктинского монастыря Святой Екатерины на пути от Парижа до Суасона, особенно неприветливые в пасмурный вечер, были столь же отталкивающими с виду, как и в мой прошлогодний визит. Меня тогда не пустили даже на порог. Монахиня вынесла краткую записку Эльжбеты, отныне – сестры Иоанны, где она недвусмысленно давала понять: я теперь не существую для мирских дел. И для тебя, граф, считай, что умерла.

Теперь Эльжбета и в самом деле умерла.

По дороге несколько раз шевелилась мыслишка – не обман ли это? Мне так часто врал, что разучился верить даже собственным глазам, способным принять иллюзии за чистую монету. Но – вряд ли. Святоши щепетильны к вопросам жизни и смерти, причём не считают смерть чем-то трагическим, ибо монашеская душа отправляется к тому, кому была посвящена ещё задолго до гробовой доски. В общем, оставь надежду, всяк входящий под монастырские своды, в том числе на то, что среди бесцветных монашеских рожц я

вдруг увижу родные черты...

«Караульная» послушница вызвала «сержанта». Та, круглолицая немолодая бабёнка без признаков умерщвления плоти, велела отворить окованную железом дверь и повела меня через внутренний двор в покои матушки-настоятельницы.

Матильду я бросил на попечение Павла, последовавшего за мной после Парижа. Стрельцов Ногтев отправил в торгпредство, полагая, что со дня резни на улице Антуаз прошло достаточно времени, и городская стража не арестует их. Для XVI века пять мужских трупов в одном месте – невелика сенсация, а особого личного интереса прижать русских молодцев точно ни у кого нет.

– Вы родственник сестры Иоанны, сеньор де Бюсси? Какая замечательная она была, сестра Иоанна! Чистый ангел... Мы так её любили! Господь забирает к себе лучших, а нам, обычным смертным, велит задержаться в земной юдоли...

– Где её ребёнок?

От неожиданного вопроса монашка перестала трещать и едва не поскользнулась на влажных булыжниках, покрывавших внутренний двор.

– О чём вы говорите, ваша светлость?! Иоанна призналась, что никогда не была близка со своим мужем.

Дети рождаются не только от законных мужей. Ещё латинские юристы говорили – отец всегда неизвестен. Или она хотела выпытать, не я ли – отец ребёнка? А может, никто не

родился, девять месяцев – совпадение?

Так... Но и не отрицает, что дитя появилось на свет. Вывернулась, румяная стерва, и не соврала впрямую, то есть и не согрешила, и тайну не выдала. Ладно! С настоятельницей поговорю иначе.

Матушка Версавия, сухая, холодная, отталкивающая, под стать обстановке и атмосфере в её кабинете, не крутила и не юлила, а отрезала прямо: Иоанна беременна не была и, конечно, никого не рожала, прибыла в монастырь в смятении духа, провела месяцы в постах и молитвах, после чего тихо угасла. Мне великодушно разрешалось навестить могилу.

В душе шевельнулся червячок подозрения: что-то тут не так. Я – не муж, не брат, не отец, вообще не родственник усопшей, да и к родне отношение у монахинь прохладное, считается, что послушница не имеет ничего общего с личностью пришедшей к Богу мирянки. Женщина переступила порог – и нет её. Не важно, сколько проживёт тело, душа-то уже у Христа. Так отчего же сделано исключение?

Червячок оказался прав.

– Знаете ли вы, сеньор, что сестра Иоанна, в миру – мадам Радзивилл, за неделю до появления у нас овдовела и получила обширное наследство от супруга – маршала Речи Посполитой.

– Маршалка, – поправил я. – Не придавайте значения польскому званию. Его может носить командующий отрядом в четыреста-пятьсот всадников. То, что он – Радзивилл, ве-

сит много больше. Это как де Гиз по польским меркам.

– Даже так... – Версавия оживилась, уголки её кислого рта, смотревшие вниз, подтянулись до прямой линии, что, наверно, соответствовало улыбке до ушей нормального человека. – Иоанна завещала всё имущество Богу. Я снеслась с аббатством в Суасоне, мне подтвердили – поместья покойного супруга мадам Радзивилл действительно обширные и богатые, есть и в Польше, и в Литве...

– Это одно и то же.

– ...Видите! Вы лучше меня разбираетесь в тамошних порядках. Я разговаривала с епископом. Мне разрешено было снестись с вами и просить о помощи. Монастырю нужно вступить во владение этими землями и получать с них доход. Богоугодные дела требуют золота!

На Версавию напало красноречие. Долю с доходов карга не обещала, гарантировала большее – прощение грехов и полагающееся к нему вечное счастье в райских кушах. Если вернуться в Краков, под Вавелем меня ждёт обжитая камера, из которой я очень быстро отправлюсь посмотреть – уготованы мне райские кущи или нечто менее комфортное.

На старую монашку трудно было глядеть без отвращения. Нетрудно подсчитать, что между смертью Эльжбеты и датой на адресованном мне письме, год пролежавшем в ожидании прочтения, прошла какая-то неделя. Значит, святоши заранее узнали, какой куш перепадёт им с кончиной послушницы, и радостно потирали руки, пока она угасала. Озадачи-

лись, кому поручить взыскание по векселю и не нашли ничего лучшего, как обещать мне отпущение грехов в виде единственного гонорара. Но я не приехал тогда. Бьюсь об заклад, энергичные святые отцы что-то сами предприняли. И, раз предложение в силе, ничего не добились. Немного представляя нравы Речи Посполитой, несложно догадаться – их отправили куда подальше.

– Десять ливров. Сейчас и наличными.

Она раскудаhtалась: конечно, нужны деньги на расходы для путешествия в Речь Посполитую, но сумма большая, необходимо заручиться согласием аббатства...

– Вы не поняли! – я сменил позу, сидеть на жёстком монастырском табурете было крайне неудобно. – Даю вам десять ливров. Вы уступаете мне права на наследство Эльжбеты Радзивилл. Надеюсь, не нужно объяснять, до какой степени невозможно вырвать у Радзивиллов хотя бы единственный злотый с поместий. Берите деньги. Больше никто не даст.

Старуха выглядела так, будто заплатила два медных гроша за безделушку в лавке и вообразила, будто в её руки попало редчайшее произведение искусства за миллион, а затем поняла, что её обманули – красная цена безделушки не более чем один грош. Тем не менее сделала попытку побороться.

– Побойтесь Бога, де Бюсси! Кого вы пытаетесь обобрать?!

– Я слишком много грешил, сестра-настоятельница, что-

бы усугублять копилку грехов ещё одним. Чтобы призвать Радзивиллов к ответу, нужна армия в десять тысяч сабель.

– Тогда зачем вам...

– На память. С этим семейством меня кое-что связывало. Дал бы и двенадцать ливров, но у меня с собой лишь десять. Соглашайтесь и пишите купчую! А я, коль вы соблаговолили, отправлюсь на могилу Эльжбеты.

– Сестры Иоанны! – сердито и в то же время немного растерянно возразила настоятельница.

Стемнело. Сестра-сержант, та самая – с круглым анфасом, провела меня на кладбище. Дорогу освещал ручной масляный фонарь.

Монастырь был старый, поэтому хоронили давно уже за его стенами, а над могилами чёрной тучей возвышалась часовня. Павел, отнюдь не робкого десятка, остался снаружи с лошадьми, суеверно поёжившись от предложения отправиться вглубь погоста на ночь глядя.

Я не суеверный, но лучше бы последовал его примеру – попёрся туда совершенно зря. Что думал увидеть там или почувствовать – не знаю. Провожатая указала на тёсанный камень с выбитым католическим крестом. Хотя я и пытался представить, что на глубине двух метров лежит полуистлевшее тело дорогой мне женщины, ничего не вышло. Разум взбунтовался, отказался связать воспоминания об Эльжбете с этой могилой. Та, живая, постоянно виделась мне, скачущая на коне по литовским полям, танцующая на балу... и

безудержно страстная во время нашей единственной нежной встречи. Здесь – просто камень. Боюсь, даже если эксгумировать прах, и в останках проглянут родные черты, ничто не изменится. Мёртвое тело – это не человек...

Перекрестившись, скорее – для вида, я поблагодарил монахиню и двинулся к Ногтеву, едва различимому в конце аллеи, за последними могилами. Он не промолвил ни слова.

Едва я вскочил в седло, из калитки в монастырских воротах показалась монашеская фигура с фонарём в руках.

– Сеньор де Бюсси!

По сухому скрипучему голосу трудно было не узнать мать-настоятельницу.

– Да, сестра?

– Если вам повезёт получить что-либо с радзивилловских земель, употребите на богоугодные дела, – она протянула свёрток бумаг. Я начал благодарить, но настоятельница спросила только: – Где десять ливров?

Видимо, лучшего предложения решила не ждать.

Мы тронулись обратно к Парижу, рассчитывая найти таверну, замеченную по пути сюда, до приглашения переночевать гостеприимство монахинь не дотянуло. Подумаешь – декабрь, не замёрзнете...

И в чём-то они были правы. Холод кусал меня не снаружи, а изнутри. Он не стал бы меньше, если бы вокруг висела тропическая жара.

– Луи! К Эльжбете ты съездил, брат. И, чуёт моя душа, не

поедешь больше. Скажи – дальше что?

Если бы я знал...

– Выбор у меня невелик, Паша. Не смогли мы спасти Эльжбету, давай спасём Францию. Наварра и Франциск бо-
ятся, что Генрих воспользуется миром и отправит гонцов в
католические Нидерланды, будет там искать союзников для
войны с протестантами. Как только найдёт – снова двинет на
юг.

– Погоди... Зачем ему Нидерланды? Испанский король
Филипп, я слышал, не любит гугенотов пуще Генриха. От-
чего же не воззвать к Мадриду?

– Филипп Второй – наш злейший враг, особенно после
битвы под Сен-Кантенем в пятьдесят седьмом. Если испан-
цы захватят Беарн и всю Гасконь, те у испанцев и останутся.
Потому де Гиз тоже не зовёт их в союзники. Павел, скажи
мне как на духу, ты просто мне зубы заговариваешь, пыта-
ешься от тоскливых мыслей отвлечь, или тебе вправду инте-
ресно?

– Ну-у-у... – замылся Ногтев. – Мне велено было всё
узнать, как тут в Европе дела делаются. А коль отвлёк тебя
от тоски – что ж в том дурного?

– Не надо меня жалеть. И помогать с собой совладать не
нужно. Справляюсь. И о политике расскажу. Во Франции пе-
ремирие, а в Нидерландах вовсю идёт война. Наместник Фи-
липпа постепенно проигрывает кальвинистам. До Наварры
дошли слухи, что король Франции задумал предложить по-

мощь испанскому штатгальтеру, чтобы отбросить протестантов на север, в обмен на несколько нидерландских полков для похода на юг Франции.

– Ой ли? Всё как у нас. Царь-батюшка Ливонию воевал, казанские татары в спину били, на две стороны не шибко повоюешь.

– Я тоже не понимаю, как убедить испанца воевать против гугенотов, оголяя Брюссель. Но Наварра просил разведать. Ты со мной?

Ногтев с минуту помолчал.

– Ну, Брюссель от Москвы далеко, никогда нам оттуда угрожать не будут, не дураки же они, – витязь хохотнул. – Однако всякое случается. Надо глянуть! Еду.

Ночная дорога извивалась среди пустынных убранных полей, копыта кололи тонкий ледок на лужицах. Ни одного огонька, ни одного жилого дома на горизонте. Мы с Ногтевым высматривали свет таверны и не находили его.

Так же беспросветно было у меня на душе. После известия о смерти Эльжбеты я брёл наугад, надеясь увидеть хоть какой-то огонёк.

И вдруг он затеплился, едва различимый, на самой грани восприятия. Пусть чисто формально, но я стал обладателем огромной доли радзивилловской недвижимости. Этот козырь может сыграть. Как? Для чего? Пока ещё трудно представить.

Глава 7. Инфанта

В первый же день пути по Южным Нидерландам меня посетила мысль нанять слугу. Хотя между Францией и испанскими владениями не стояло никаких пограничных кордонов, разница бросилась в глаза. Даже гугенотские войны не принесли французам столько разорения, как здешняя борьба за «истинную веру». Конечно, не только за веру. Католики признавали власть короля Филиппа, кальвинисты проклинали монарха. Мадрид воевал за сохранение европейской колонии.

В моём прежнем мире экономика Испании подпитывалась за счёт золота из Нового Света, тут же западные материки никто не открыл, мореплавание по-прежнему развивалось за счёт маршрута вокруг Африки в Индию. Признаюсь, сто раз возникал соблазн по памяти набросать карту мира, выдав её за копию некой старинной, и подбросить кому-то из влиятельных особ. Но кому? Насколько мне удалось разобраться, в этой исторической ситуации экспансия в Новый Свет была посильна только английской короне, но с англичанами я дела не имел, кроме редких расшаркиваний с островными гостями Лувра. Никакого стимула помогать им я не нашёл.

Русская Америка... Даже в XIX веке российским императорам было не до неё, и частный капитал не видел перспек-

тивы барышей, чтобы вкладывать туда капитал. Аляску продали за золото вместе со всем золотом Юкона, не говоря о нефти. Россия при Иване Грозном распространила свои владения до Тихого океана, но и то – чисто номинально. Замахиваться на экспедиции в Новый Свет и воевать с индейцами, пока даже не начала осваиваться Сибирь, никто в Москве не решился бы. Особенно «царь» Симеон.

Мысли о геополитике прервала очередная ватага нищих, перегородивших нам дорогу где-то перед Монсом. Только что минуло Рождество, начался новый 1577 год, но мы с Павлом не увидели никаких следов празднеств. В деревеньке, где прошла наша рождественская ночь, крестьяне помолились и легли спать натошак. Нам тоже ничего не оставалось, как устроиться вдвоём на жёсткой деревянной скамье, обернувшись плащами. Было очень холодно, в доме воняло кислотой и немывыми телами.

Разглядывая две дюжины оборванцев, впившихся в нас голодными глазами, чуть ли не с каннибалистским блеском в них, я лишний раз убедился в ложности эпитета «живописные лохмотья». Когда в разгар зимы люди обёрнуты в отвратительные тряпки, перемотанные гнилыми верёвками, на ногах обмотки вместо обуви, а через прорехи просвечивает голое тело, в этом нет ничего живописного.

Кроме того, нидерландские нищие представляли собой нечто среднее между просителями милостыни и бандой грабителей – почти у всех с собой имелись дубинки, рогатины,

у некоторых – топоры. Выступивший вперёд предводитель шайки что-то залопотал грозным тоном на валлонском диалекте, из его речи я разобрал проклятия в адрес «испанских разбойников», видимо – более успешной конкурентной преступной группировки.

Пока бродяга излагал требования, и весь сброд пялился на меня, Ногтев подсыпал порох на полки. После пары выстрелов в воздух дорога стала свободной. И бесплатной.

Я с тоской вспомнил пороховые лепёшки с «драконьим огнём», или как там вавельский алхимик называл своё гремучее зелье. Лепёшки на пороховой полке позволяли держать пистолеты готовыми к бою, а не заниматься манипуляциями с оружием на глазах приближающегося врага.

– Луи, ты как думаешь, испанская банда – это вроде тех, бродячих, что взялись подстрелить Наварру около По? Или правда – королевские?

Меня тоже занимал этот вопрос. Продразвёрстка, мать её, изобретена задолго до большевиков. Бедность обдираемого населения никогда не останавливала экспроприаторов.

Я поделился с Пашей идеей насчёт слуги.

– Не знаю, как испанцы, а из местных я бы нанял лакея для нас двоих. Народ так обнищал, что готов работать за еду.

Ногтев фыркнул. Он, конечно, не против удобств, но в путешествии держал себя как в боевом походе, без излишеств. В редких случаях, когда доводилось помыться, сам прополаскивал исподнее, предлагал и моё, я, естественно, не поз-

волил. Павел мне – не слуга, а товарищ.

Мы миновали Монс, не заезжая. Город несколько раз переходил из рук в руки испанцев и протестантов, соответственно, городская стража отличалась особой бдительностью. Персона русского воеводы, ни в коей мере не католика, могла создать кучу проблем. Поэтому я счёл за лучшее скорей двигать к Брюсселю. Ехали мы медленно, не дотягивая даже, насколько я помню из прежней жизни, до нормативных двадцати вёрст в сутки, предписанных Уставом кавалерии Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Причиной тому были тяжёлые дороги и скудное питание, не везде удавалось купить овёс, требовался долгий отдых нашим лошадям. Матильда и чёрный охолощенный жеребец Павла довели нас к столице только к середине января, в самый разгар сырой бельгийской зимы.

В отличие от красноармейских премудростей, воспоминания о Брюсселе, известном как тусовка всяческих «атташе по культуре» благодаря интересу разведок к штаб-квартире НАТО, никакого практического значения не имели. На месте бульваров возвышалась унылая крепостная стена, она же – и граница города. Внутри не нашлось ничего похожего на привычную взору французскую архитектуру XVII–XIX веков, не брызгал водичкой мальчик Manneken-Pis, река Сенна извивалась меж городских кварталов, не упрятанная в трубы. Даже помпезная площадь Grand place оказалась много меньше, из зданий я опознал разве что ратушу и Хлебный

дом.

Но прогулки по Брюсселю с попытками сопоставить города двух эпох ждали меня позже. Уставшие с дороги, мы направили лошадей напрямик к Дворцу герцогов Брабанта. Посланец короля, пусть и захудалого – Наваррского, а также вполне себе первосортного герцога Анжуйского, я рассчитывал на достойный приём по первому разряду.

Испанская стража у городских ворот и не менее придирчивые охранники у дворца подсказали мне, что письма от Генриха с его сомнительной репутацией перевёртыша лучше придержать до поры. Закованные в тяжёлые панцири воины были крайне подозрительны и с большим желанием послали бы меня гораздо дальше Брюсселя, чем внутрь города и дворца. Заносчивость, нежелание понимать французский среди франкоязычного Брабанта и крайняя враждебность этих вояк давали понять: они чувствуют себя не хозяевами, а оккупантами в Нидерландах.

Роскошный дворец, с прекрасным видом на излучину Сены внизу, внутри нёс следы запустения ещё худшие, чем парижский Лувр. Он едва отапливался, лепнина буквально сыпалась от сырости. Когда нас проводили по галерее, окнами выходящей к реке, я обнаружил несколько выбитых оконных стёкол. Холодом тянуло так, что мы с Павлом плотнее кутались в плащи, сохранявшие тепло во время зимнего верхового путешествия.

В столь же неуютной зале нас оставили в ожидании при-

ёма у штатгальтера – наместника Филиппа II в католических Нидерландах. Ногтев бесцельно пробежался вдоль помещения, шурша мусором под ногами, свернулся на пыльном кресле и задремал. Я же уставился в окно в созерцании городского пейзажа на противоположной стороне реки, сложившегося из нагромождения двух- и трёхэтажных серых домов, над которыми возвышались махины соборов.

Что мне здесь нужно? В чём смысл болтания по западу Европы, охваченному религиозными войнами?

Два месяца я вообще запрещал себе думать о цели жизни. Весть о смерти Эльжбеты слишком уж сильно выбила из седла. Вроде и смирился с мыслью никогда больше её не увидеть, но сознание, что она жива и в безопасности, согревало, поддерживало... Без этой опоры я оказался висящим над пропастью.

И за несколько ноябрьских дней в Гаскони я убедился: надежда на Генриха, что по восшествии на престол тот озабочится союзом с далёкой Русью, и что этот союз облегчит переход через пропасть Смутного времени, также иллюзорна. Московия для Наварры далека как Луна, где-то существует сама по себе, и ладно. Мир слишком далёк от глобализации... Даже Ногтев это понимает, не знающий истории последующих веков.

Порой мелькала мысль – уехать на юг, в более благодатный климат, а не ёжиться под пронизывающими ветрами северо-запада, и там устроить себе отпуск до начала прав-

ления Бориса Годунова. Он, если не врут современники, личность неординарная, прогрессивная. Заморский специалист с уникальными навыками имеет все шансы оказать на московского царя влияние, воспитать его сына в надлежащем русле, а главное – предотвратить наступление на Москву польско-литвинской орды под началом Лжедмитрия. Или физически устранить самозванцев одного за другим, уж что-то, а мокрушное дело у меня выходит лучше всего. Годунов-младший, по моему мнению, был одним из наиболее перспективных русских монархов в покинутом мной мире, жаль, что практически ничего не успел... Династия Годуновых вполне могла заместить в альтернативной истории Романовых, если бы Фёдор Годунов обладал жестокостью Петра, в юности без колебаний подавившего мятеж, и поддержкой семейной партии по типу нарышкинской. Жаль только, вряд ли появился бы, по крайней мере, в привычном виде, любимый Санкт-Петербург. Точнее – Ленинград моего детства.

Наше с Павлом уединение прервалось появлением удивительного существа. Сначала я услышал звук шагов, стук копыта испанского часового, затем в покой ступила очень юная барышня. Можно описать её строгое коричневое платье с бордовой отделкой и круглым воротником, напоминавшим размерами тележное колесо (у взрослых – мельничный жернов), нитку жемчуга в волосах и прочие детали внешности, но они – просто детали... Думаю, любого мужчину, кроме разве что совсем близоруких, поразили бы девичьи глаза,

и я не стал исключением. Взгляд их, совершенно не детский, был тяжёлый, сверлящий, исполненный внутренней силы. Наверно, с возрастом девушка научится опускать веки, округлять глазки, складывать ротик сердечком в образе бабы-дуры, очень порой удобном для общения с противоположным полом. Но пока она не думала о маскировке.

Боже, кто это? Дочь штатгальтера, уверенная, что по одному мановению её мизинчика папа прикажет отрубить головы половине обывателей Брюсселя? Мы слишком мало с Павлом пробыли здесь, чтобы узнать, кто есть ху, новости из Брабанта докатываются до Беарна гораздо медленнее, чем меняется обстановка в Нидерландах.

Я поклонился, краем уха услышал, что Ногтев вылез из кресла, мало-мальски обученный мной европейскому этикету.

Вперёд выперлась худолицая матрона монашеского вида, но без хламиды и прочей форменной амуниции.

– Её королевское высочество инфанта Исабель Клара Евгения!

Вот это номер... Насколько я изучил испанскую королевскую семью ради миссии в Брюсселе, на меня сверлящим взглядом уставилась старшая дочь короля Филиппа II, она же – родная племянница короля Франции Генриха III, наследница двух самых могущественных семей Европы – Габсбургов и Валуа. Но почти без свиты. Не представленная заранее каким-нибудь мажордомом-церемонимейстером, без эскор-

та в дюжину закованных в панцири черепах. Вдобавок было совершенно непонятно, что это юное создание забыло в такой дали от родного и безопасного Мадрида, в сердце мятежной колонии. Ладно, отец позволил – короли в эту эпоху личности неадекватные через одного, взять хотя бы Генриха, дядюшку инфанты, столь памятного мне по польской эпопее. Но мать... Куда смотрела королева?

Из-за вороха мыслей я чуть-чуть припозднился, заработав вопросительно-недовольную гримасу инфанты. Спыхватившись, снял шляпу, выписал ей в воздухе замысловатую фигуру, опускаясь на колено.

– Граф де Бюсси д’Амбуаз, посланец герцога Анжуйского к штатгальтеру Нидерландов, ваше королевское высочество. Со мной – воевода Смоленской дружины Царства Русского Павел Ногтев.

Она шагнула ближе. Маленькая ручка с веером повелительно махнула – поднимитесь.

Я повиновался. Миловидное личико было на уровне моей груди – довольно высоко для подростка. Девочка подняла голову. Странно, её глаза при ближайшем рассмотрении оказались синего цвета, на ярком солнце, наверно, отливают голубизной, ломая стереотип о темноглазых обладательницах пронзительных взоров (очи чёрные, очи жгучие...).

– Восточный дикарь мне неинтересен, – детский звонкий голосок выводил французские слова практически безупречно. – Вы – очень странный человек, граф. Я слышана о

вас, вашем заточении в Вавеле, измене моему дяде и службе еретикам. Ещё о вашем странном романе с восточной дамой и убийстве её мужа на дуэли.

Краткое изложение истории моего пребывания в XVI веке, в принципе – верное, прозвучало достаточно неприятно. Вот так моя персона воспринимается со стороны... Учтём!

– Вы прекрасно информированы, ваше королевское высочество. Есть некоторые неточности, они не имеют значения. Важнее другое: почему вы считаете меня изменником и разделяет ли ваше мнение штатгальтер.

Веер нетерпеливо дёрнулся в её руке, словно был живым существом с собственной волей.

– Дон Хуан тоже на пороге измены. Он совершенно не считается с приказами отца. Заключил бесстыдное соглашение с протестантами. Испанская корона только формально сохранила власть над Нидерландами. У дона Хуана растут собственные притязания. Как любой незаконнорождённый, штатгальтер грезит о своём влиянии. Представьте, он обещал повстанцам вывести испанские войска из Нидерландов, если еретики признают его личную власть!

– А где гарантия сохранения власти? – я поймал себя на мысли, что разговариваю с девочкой-подростком на совершенно серьёзные, взрослые темы, не ощущая неловкости. – Что помешает кальвинистам вырезать католическую администрацию на следующий же день? Если они займут пограничные и прибрежные крепости, выбить их будет крайне

сложно, тем более у Испании нет сухопутной границы с Нидерландами, ваш дядя ни за что не пропустит испанские полки через французскую территорию, а высадка десанта с кораблей, коим придётся плыть вокруг Англии... Я сомневаюсь в успешности подобного предприятия.

– Вы здраво мыслите, де Бюсси. Очень жаль, что вы во вражеском лагере.

– Замечу, что относительно дел в Нидерландах я не нахожусь ни в чьём лагере. Мой сюзерен герцог Анжуйский, он, кстати, в той же степени ваш родной дядя, что и король Франции, остаётся истым католиком, как и я. Союзы с протестантами – временные и вынужденные.

– Значит, короля Наварры вы тоже готовы предать, – заключила инфанта с детским максимализмом.

– Вы несправедливы к Наварре. Он гибок и ищет мира между конфессиями. Прошу простить за любопытство, с какой целью вы прибыли в Брюссель?

– Сопровождаю своего супруга Альбрехта. Он – доверенное лицо моего отца. Мне король доверяет ещё больше. Я – женщина и следую за мужем... Хотя брак наш ещё не консумирован. В любом случае Саллическая правда не даёт мне возможности ни престол занять, ни заниматься государственной деятельностью иначе, как в роли супруги монарха или герцога.

Усилием воли я удержал челюсть от выпадения вниз. Конечно, за годы после Варфоломеевской ночи я много раз

слышал о ранних браках, здесь детей выдают замуж с двенадцати, часто откладывая начало половой жизни годам к четырнадцати. В пятнадцать уже рожают, и никто не упрекает супруга в педофилии.

Эта девочка, наистро лишенная округлостей, призванных подпереть корсет платья, физически – совершенный ребёнок, но с развитым умом, перегруженным детской бескомпромиссностью, сумела меня удивить, хотя разговор на интимную тему первого секса, вроде как неуместный с мало-знакомым человеком, в здешнем высшем обществе не считается чем-то предосудительным. Консумация – это закрепление брачного союза, без чего он не считается окончательно свершённым. Получить от папы разрешение на развод гораздо легче, если есть доказательства (мнимые или действительные), что совместная жизнь обошлась без альковных утех. Инфанта, судя по всему, смотрит на брак и брачное ложе трезвым взглядом – как на продолжение политики. И, похоже, мысленно примеряет корону, как подросток, тайком снявший со стены дедову саблю с сожалением, что пока не отрубил тем клинком хотя бы одну голову.

– Почему вы на меня так глядите? – строго спросила замужняя девственница.

– Простите, ваше королевское высочество. Задумался над вашими словами. А какова точка зрения на события донна Альбрехта? – я произнёс имя супруга Исабели, не представляя толком, кто это.

– Полностью совпадает с моим. Думаете, возможно иначе?

Признаться, таращиться на девочку доставляло большее удовольствие, чем думать. Право же, как хороша! Где лошадиные морды типичных Габсбургов? Длинные носы французской знати? Асимметрия черт лица из-за близкородственных браков в августейших домах? Исабель не унаследовала ни единого из этих пороков. Тёмно-рыжие волосы, нежное овальное лицо правильной формы, чуть пухлые щёки, маленький ротик, недоверчиво поджатый – инфанта была не только прекрасна красотой ещё не распутившегося бутона, но и личностью, пусть до конца не сформировавшейся, но, очевидно, со стальным стержнем в характере. Её супругу повезло... или не очень, жизнь с такой женщиной представляет постоянную борьбу за первенство или выливается в безоговорочную капитуляцию, необратимую на всю оставшуюся жизнь. Судя по реплике о совпадении супружниной точки зрения с «линией партии», заданной малолетней женой, пакт о капитуляции уже подписан. Или близок к тому.

– Тем не менее, как велит Саллическая правда, я вынужден буду обсудить дела с вашим супругом. Надеюсь, вы можете сформировать ему единственно правильное мнение. Пока я дожидаясь аудиенции штатгальтера.

– Дожидайтесь. Но дона Хуана нет в замке. Он должен приехать из Гента. Распоряжусь, чтобы вам и вашему восточному спутнику выделили апартаменты... – она с явным от-

тенком брезгливости поддержала юбку, чтобы подол не во-
лочился по пыли. – Апартаменты почище. Меня возмущает
эта грязь!

Похоже, здесь её возмущало многое.

Она круто развернулась и удалилась в сопровождении той
же сеньоры, к нам тотчас явился офицер из свиты штатгаль-
тера и провёл в отведённые нам комнаты. Он был столь лю-
безен, что приказал принести дров для камина и каждому
бадью горячей воды.

Отдохнув с дороги, мы собрались с Ногтевым на военный
совет.

– Бардак и междоусобица, не лучше, чем у вас в Париже, –
заклучил напарник. – Не ведаю, брат, что ты сделаешь в этой
смуте.

– А ты не знаешь, что такое настоящая Смута. Впрочем,
доживешь – увидишь. Скоро уже.

Павел привык к моим многозначительным и невнятным
фразам, когда воспоминания о прочитанных исторических
книгах накладывались на реалии этой эпохи, поэтому боль-
шей частью их игнорировал. Сейчас он только глубоко
вздыхнул и обронил:

– Только не затевай дуэль с этим... как его... Альбрехтом.

– С какой стати?

– Ты так вожделенно глазел на принцессу, разве что не об-
лизывался. Сделать вдовой, потом ухаживать – в твоём сти-
ле, – он увернулся от брошенного сапога и продолжил: – Ду-

май, Луи. Литвинка была знатного, но не королевского рода. Эта же – дочь короля Филиппа! Если хочешь толку с нашей поездки, придержи своего беса в штанах.

Бунт на корабле! Ногтев всегда смотрел на меня снизу вверх, никогда не брался поучать. С чего это он осмелел? Надо поставить на место. Хотя бы затеять очередной учебный бой и извальять на земле!

Очень Паша меня задел, потому что был прав. И памятью Эльжбеты попрекнул вовремя. Здесь за всё приходится платить. Инфанта, не инфанта, гормоны сравнительно молодого тела однажды возьмут своё. Зарекусь: больше никаких дуэлей на дамской почве. Разве что меня самого припрут к стене.

Глава 8. Предатель

Массивный, надменный и безмерно честолюбивый.

Эти три определения передавали сущность дона Хуана Австрийского полностью, всё остальное – детали. Бастард великого короля Карла V нехотя мазнул по мне скучающим оком – что за вошь приползла к его порогу.

Павла я не взял по педагогическим соображениям. Пусть знает место.

– Герцог Анжуйский не смог до конца отыграть свою партию во Франции. Король смахнул его с доски как пешку. Какие же дела могут быть у вашего сюзерена в Брюсселе?

Чтоб я знал... Но признаться испанцу, что я приехал всего-навсего понюхать воздух, означало выставить в дураках не только себя, но и герцога с Наваррой.

– Вы правы, сеньор штатгальтер, положение во Франции столь же сложное, как и в Провинциях. Мой господин и король Наварры ищут путь к миру, расколотому религиозной враждой. Ваш пример достижения согласия...

– Только не говорите мне, граф, что слухи о моих достижениях докатились до Гаскони. Я едва-едва договорился с католиками, – перебил меня испанский наместник.

Пришлось сделать вид, что не замечаю неучтивости. Не вызывать же его на дуэль!

– Не смею отрицать. Подробности, да и то – не все, мне

стали известны лишь по прибытии в Брюссель. С вашего разрешения я продолжу. Конечно, лучший союз и лучшая помощь – отправка нескольких полков на подмогу партнёру, что тоже не исключено, чтобы навести порядок сначала в одних, потом в других землях. Но сила примера тоже велика. Мир между католиками и протестантами в Нидерландах подтолкнёт и наших непримиримых к поиску согласия.

Дон Хуан скептически прищурил глаз.

– Вы же зрелый человек, граф, – он встал из резного кресла и сделал несколько шагов навстречу. Рукоять кинжала стукнула о кирасу, не сброшенную даже в охраняемой резиденции, так, видимо, сильна была «уверенность» испанца в партнёрах по мирному договору. Пышный воротник – грангола – делал этот элемент амуниции слегка несерьёзным с виду. – Неужели вы думаете, что религиозные разногласия столь важны?

– Отчасти. Конечно, де Гиз выступает ревностным католиком, желая заполучить парижский трон именно под знаменем римской веры, а принц Конде воюет против католического короля, не считая возможным простить Генриху роман с женой принца Марией. Поэтому Конде – не просто гугенот, он очень обиженный на католическую власть гугенот.

– И у вас равновесие. Никто из трёх Генрихов – де Гиз, Валуа и Наварра – не решится обратиться к Филиппу II за помощью, потому что все боятся моего короля больше соперников.

Он снисходительно улыбнулся. В подражание ему улыбка заиграла на лице бледного малого, скукожившегося за конторкой в углу, вероятно – секретаря наместника.

Высокий и круглолицый, дон Хуан, наверно, в молодости был душкой, пока не зачерствел в сражениях на суше и на море, а внутри ожесточился от бесплодных попыток занять место, достойное законного сына короля, бастарду недоступное.

– Но вы – не король Испании, сеньор штатгальтер. И договариваться с вами можно, не опасаясь столь серьёзных последствий, как если бы мы вели дела с Мадридом.

Я всё опасался вопроса в лоб: что же ты конкретно предлагаешь от имени гугенотов и что просишь взамен. На такой вопрос у меня ответа не было. К счастью, дон Хуан не спешил.

В его обширном кабинете с панорамой на Сену просматривались следы былой роскоши. Здесь убирались, наверно, несколько чаще, чем в остальных частях дворца. Главным украшением служил большой шахматный стол с причудливой резьбой и высокими фигурами в мавританском стиле.

Штатгальтер подошёл к доске и передвинул фигуру, продолжая партию. Вероятно – с самим собой.

– Вы играете в шахматы?

– Не регулярно, сеньор Хуан. Чаще приходится брать в руки шпагу, нежели пешки и фигуры.

Он повелительно махнул, призывая присоединиться, и на-

чал расставлять мавританских слонов, офицеров с пиками и прочих костяных солдат в исходное положение. Каждая фигура и даже пешки-латники выглядели настоящими произведениями искусства. Надо или очень любить шахматы, или очень желать пустить пыль в глаза, чтобы раскошелиться на такое сокровище.

Мне, заявившему о слабости, испанец позволил начать белыми.

Я предложил открытое начало, двинув пешку на e4. И он начал с королевской пешки.

– О шахматах говорят, что в игре присутствует стратегия, свойственная настоящим битвам. Я убеждён, что это – чушь. Ну кто бы выбросил пехоту вперёд, не обстреляв врага из пушек, не отправив на подмогу кавалерию?

– Спасибо за подсказку, сеньор штатгальтер, – я вывел королевского коня на f3, начав фланговую кавалерийскую атаку. – Больше усматривается сходство с политикой. Особенно гамбиты. Постоянно чем-то жертвуешь ради большего.

Пешка на d6 защитила королевскую пешку. Если не изменяет память, дон Хуан выбрал защиту Филидора. Впрочем, так этот дебют в XVI веке ещё не назывался. Меня в большей степени впечатлила осторожность штатгальтера. Перекрыв дорогу королевскому слону, он обрёк себя на безопасное, но слишком уж медленное развитие фигур. Таков и его характер как политического деятеля?

Играли мы не торопясь. Конечно, я обладал куда мень-

шим опытом. Но в период обучения шахматам, что входит в интеллектуальный минимум будущего «атташе по культуре» под дипломатическим прикрытием, я немного познал опыт последующих веков. Сумел бы разыграть бы и Испанскую партию, несколько более авантюрную, с гамбитом Яниша. Но раз Филидор, так тому и быть, статистически это начало давало перевес белым.

– Вы агрессивны, граф. Это черта всех католиков, переметнувшихся к протестантам?

Я выиграл, наконец, качество.

– Это черта всех, кто не желает терять времени на долгие подготовительные маневры.

Штатгальтер проводил взглядом слона, отправившегося на отдых за пределы доски, и мои пешки, взламывающие центр его позиции при поддержке коней. Наверно, нужно сбавить пыл. Мат где-то на тридцать пятом ходу не прибавит мне шансов о чём-то договориться.

– Два хода назад вы пропустили блестящую комбинацию. Жертва ладьи разрушала бы весь мой королевский фланг.

Знаю. Задача выиграть – не самая актуальная на сегодня.

– Возможно. Мастер гамбитов – вы, сеньор Хуан. Пожертвовать присутствием испанской армии ради шатких договорённостей с протестантами – это весьма рискованный ход.

– Уже и об этом все знают! Здесь я стеснён манерами, на палубе корабля воскликнул бы... – он воскликнул от души, русский мат – не единственная нецензурная брань на плане-

те. – Кто вам сказал?

– Слышал от солдат дворцовой стражи; они судачили – выплатят ли им жалованье до отправки в Испанию.

– Да. Только и думают о деньгах. Деньги, деньги... Знаете, де Бюсси, сколько дезертировало и шляется по дорогам, нападая на путников? Вам не встретились?

– Только крестьяне.

– И они тоже. Вы не представляете, в каком расстройстве находятся наши дела. Я уволил почти всех дворцовых лакеев, здесь сплошной хлев, солдаты живут впроголодь. На мои отчаянные письма в Мадрид король отвечает: живи с местных доходов. Но как? В южных провинциях торговля остановилась из-за разбойного сброда. Видели вы мануфактуры в Нижнем городе? Половина закрылась! Некому и некуда отвозить товар. Армия вот-вот разбежится. Я только и могу выторговать уступки у кальвинистов, обещая вывести войска. Если солдаты бросят службу, у меня не останется и этого аргумента. Поэтому спешу им воспользоваться как можно скорее. Шах!

Я закрыл короля пешкой, двинув её вперёд с нападением на слона, которым дон Хуан и объявлял шах. Мой противник проглядел этот ход. Миттельшпиль складывался не в его пользу.

– Убрав войска, вы останетесь без защиты. Гарантии герцога Оранского – не самые надёжные в этом мире.

– У меня других нет. Король не хочет платить войскам. А

взбунтовавшиеся солдаты – это хуже отсутствия армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.